

Лилия Лукина

КОГДА ВПЕРЕДИ – ВЕЧНОСТЬ

Книга третья.
Ставшая своей чужая жизнь

Лилия Лукина

**Когда впереди – вечность.
Книга третья. Ставшая
своей чужая жизнь**

«Издательские решения»

Лукина Л.

Когда впереди – вечность. Книга третья. Ставшая своей чужая жизнь / Л. Лукина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831532-9

Маргарите очень нелегко — ведь в ней одновременно живут две разные женщины: Тетушка и Елена. А тут еще у Берлибблоу проблемы, в Париже ее помощь потребовалась, дядя Гриша заболел, в Блэкхилле музей строится, в Саутгемптоне ее замок ремонтируется. Ну, ни минуты покоя! И хотя Маргарита бесконечно устала от всех этих хлопот, наградой ей послужила чуть-чуть приоткрывшаяся завеса над мучившей ее тайной — она узнала, что такое кольцо Крейлара и кто такие Странная Мэри и Лаки Грой.

ISBN 978-5-44-831532-9

© Лукина Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Как все началось	6
Глава 2. Чужих проблем не бывает	27
Глава 3. На круги своя	43
Глава 4. Новая герцогиня Бэлси	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Когда впереди – вечность

Книга третья. Ставшая своей чужая жизнь

Лилия Лукина

© Лилия Лукина, 2018

ISBN 978-5-4483-1532-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С величайшей благодарностью, огромным уважением и самыми наилучшими пожеланиями посвящаю эту книгу государственному советнику юстиции 3-го класса Александру Ивановичу Пономареву и главному врачу «Дорожной клинической больницы» города Саратова Олегу Васильевичу Касимову, без великодушной помощи которых меня уже не было бы в живых.

Глава 1. Как все началось

В четверг утром Маргарита проснулась в более-менее хорошем настроении, потому что тяжкие думы, которые не оставляли ее в предыдущие дни, веселости духа уж никак не способствовали. Когда она очнулась 24 октября в образе молодой Маргариты, водоворот жизни тут же подхватил ее, завертел, закружил, бросая из одного приключения в другое, и у нее не было ни времени, ни возможности, чтобы «остановиться, оглянуться» и хорошенько обдумать, что же с ней происходит. Закончив вечером в понедельник все свои дела, она приехала в особняк на Парк-лейн, и вот тут-то все и началась.

Точнее, началось-то все с ее веселых воспоминаний о пережитых приключениях, а закончилось совсем нерадостно. Проанализировав все, что успела совершить с того судьбоносного октябрьского дня, она поняла, что все не так замечательно, как она думала. Оказалось, что в ней, бессмертной Маргарет Хелен Элизабет Королева, восемнадцатилетней ослепительной красавице-миллиардерше, знающей все на свете заклинания, заговоры, заклятия и секреты лечения людей травмами, владелице кольца Крейлара, охраняющего ее жизнь и исполняющего ее желания, живут две совершенно разные женщины. Одна из них была властная и решительная Тетушка, она же Маргарет Миллер, она же Маргит Беллз, она же герцогиня Бэлси, она же Маргарита Георгиевна Князева, а вот вторая – пятидесятилетняя, некрасивая неудачница Елена Михайловна Королёва. Эта честная дура, серый книжный червячок, готова была всех всегда понять и простить даже то, что прощать нельзя, и ее единственным достоинством были прекрасные аналитические способности. И теперь в Маргарите соединились воспоминания и знания Тетушки и Елены, их вкусы и привычки, симпатии и антипатии, а, самое главное, в ней жила вечная любовь к Лаки Грою, которую Тетушка, пронеся через четыре века, передала Маргарите. И то, что Лаки погиб, ничего не значило, потому что его место в ее сердце и душе никто и никогда не сможет занять.

Конечно, Тетушка подавляла Елену, но та все равно умудрялась толкать Маргариту на idiotские, с точки зрения Тетушки, поступки. Тетушка решала свои и своего банкира Саймона Берлиблэу проблемы, а Елена исподволь подводила Маргариту к тому, чтобы она вмешивалась в дела совершенно посторонних людей и помогала им. Тетушка нашла в Блэкхилле несметные сокровища, а Елена решила поделиться ими с дальним родственником Тетушки Кертоном, потомком последней законной владелицы замка. В Неаполе Тетушка забрала из тайника некогда принадлежавшего ей дворца князей Санта-Адриано спрятанные ей ценности и положила их в банк Марко Берлиблотти. А Елена влезла всеми лапами в жизнь главы мафиозной Семьи дона Лоренцо Пьянцотти, разоблачила его врагов и восстановила справедливость, вернув ему законное имя князя Санта-Адриано. И это было еще не все, что умудрилась натворить эта парочка. Вот Маргарита во вторник и среду и размышляла о том, как ей жить дальше. Пока две эти, такие разные женщины умудрялись как-то уравнивать друг друга и не конфликтовать, но вот, чего ждать от них в дальнейшем, она не знала, и это ее здорово нервировало.

Вчера вечером она, наконец, определилась и немного успокоилась. Итак, это она теперь настоящая Маргарита, что сумела доказать не только Берлиблэу, но и самой себе, решив всего проблемы Саймона. Этот особняк на Парк-лейн теперь *ее* дом, а не Тетушки, потому что той больше нет. И герцог Джордж Бэлси был именно *ее* отцом, а не Тетушки. Да, зная теперь в мельчайших подробностях историю жизни Тетушки, Маргарита понимала, что гордиться там нечем. Эта невероятная женщина за четыре века совершила столько и такого, что ад наглухо захлопнет перед ней ворота, а черти займут круговую оборону и объявят осадное положение, только чтобы не пустить ее на свою территорию. Но это теперь была, к сожалению, уже *ее* история, *ее* прошлое и *ей* с этим предстояло жить. Конечно, Тетушка не была примером для подра-

жания, но она прекрасно разбиралась в жизни и в людях, и Маргарита решила прислушиваться именно к ней, чтобы избежать ошибок, которые она, к сожалению, уже успела наделать, потому что сейчас это было для нее самым главным. А вот сердобольную Елену, которая кроме книг ничего не знала и знать не хотела, и поэтому не разбиралась ни в жизни, ни в людях совершенно, нужно было держать в узде, а то она еще начнет уговаривать Маргариту раздать свое состояние бедным или в какой-нибудь фонд пожертвовать, и помогать всем несчастным направо и налево без разбора, даже тем, кто этого совершенно не заслуживает. И именно это решение помогло Маргарите вчера спокойно заснуть.

Нажав на кнопку звонка, она известила прислугу о том, что уже проснулась и, надев пеньюар, опустилась в кресло рядом со стоявшим возле окна столиком. Через несколько минут раздался тихий стук в дверь – это дворецкий Уолтер принес ей утренний кофе, потому что эту честь он не уступал никому. А вот и он сам появился с подносом, который потставил на столик и стал переставлять на него кофейник, сахарницу и все прочее.

– Доброе утро, ваша светлость, – почтительно произнес он и доложил: – К приему ваших гостей все готово. Могу я поинтересоваться, кого именно вы ждете?

– Маркиза Бэлси с сестрой и лорда Кертона с сестрой и сыном-подростком. Я собираюсь их принять в оружейной гостиной, где мальчику будет интересно, пусть поиграется, тем более, что это совершенно безопасно. Я буду завтракать здесь через полчаса. И вот еще что: прикажите запереть портретную и принесите ключ мне – не стоит наводить посторонних на различные мысли.

– Вы совершенно правы, ваша светлость, – согласился он. – Не все люди обладают достаточно широким кругозором, чтобы правильно воспринять это зрелище.

Он собрался выйти, но Маргарита остановила его.

– Вы удобно устроились, Уолтер?

– Благодарю вас, ваша светлость! Моя комната большая, светлая и очень уютная!

– Я рада, что вам у меня нравится! – улыбнулась она ему.

– Разве могло быть иначе, ваша светлость? – он позволил себе слегка удивиться.

Дворецкий вышел, а Маргарита, глядя ему вслед, подумала, что совершенно правильно сделала, попросив Берлиблэу на время одолжить ей Уолтера. Она собиралась некоторое время провести в Лондоне, а этот опытный и, самое главное, преданный ей человек мигом превратил многие десятилетия пустовавший особняк в нормальный дом с налаженным бытом. Ее смущало только то, что он титуловал ее «вашей светлостью», и, если его кто-нибудь услышит, это вызовет, как минимум, недоумение, но она надеялась, что при посторонних он будет вести себя осмотрительно.

Прежде, чем налить себе кофе, она закурила – теперь это был уже *ее* утренний ритуал. Допив кофе, Маргарита отправилась в ванную и встала под душ. Позавтракав, она пошла в примыкавшую к спальне гардеробную и выбрала костюм для приема гостей, а потом, взглянув на висевшие там с давних времен платья, подумала, что их еще вполне можно будет при случае надеть. Например, амазонки, которые пылились там совершенно напрасно. «Я буду очаровательно в них смотреться и, пожалуй, возрожу на них моду!», – решила она. Маргарите и в голову не пришло, что Елена никогда в жизни не сидела в седле – раз Тетушка держалась на лошади, как влитая, а, значит, и она теперь тоже. И даже мысль о том, что она способна возродить на что-то моду в Лондоне, не показалась ей абсурдной – она была уверена, что сможет сделать абсолютно все, что захочет!

Одевшись, она, чтобы подобрать под костюм соответствующие драгоценности, подошла к большому и массивному туалетному столику. Она нажала одновременно на один листок справа и на цветок слева в обрамлявшей зеркало резной раме, и из столешницы столика тут же выдвинулась панель, в углублении которой лежали футляры. Раскрыв их, она в первый момент даже зажмурилась от блеска камней – да, ее отец герцог Бэлси знал толк в драгоценностях! Да

и она сама неплохо в них разбиралась и, если уж покупала что-то, то только высшего качества! Она аккуратно положила между футлярами тот рубиновый гарнитур, который одевала в Неаполе, и, выбрав украшения из крупных сапфиров в обрамлении бриллиантов в тон костюму, закрыла тайник.

Посмотрев на свое отражение в зеркале, она осталась довольна: несмотря на душевные муки, терзавшие ее два дня, она была великолепна. Проснувшись тем судьбоносным, перевернувшим ее жизнь утром в образе молодой Маргариты, она выглядела точно также: тот же цвет волос, форма носа, губ, лица, фигура, но теперь изменилось выражение глаз – ее взгляд стал спокойным, уверенным и немного ироничным. Так могла смотреть только победительница, только женщина, способная на все и знающая, что ей абсолютно все по силам.

Маргарита спустилась на первый этаж и вошла в библиотеку. Бродя вдоль полок, она пыталась определиться, стоит ли забрать отсюда в Россию некоторые издания или, наоборот, вернуть книги из Желтогорска обратно, когда неслышно вошедший дворецкий доложил:

– Ваша светлость! Прибыл лорд Кертон, мисс Лейкгард и мистер Лейкгард.

– Просите! – кивнула она.

Уолтер ушел, а Маргарита подумала: «Странно, время для визита довольно раннее. Видимо, Джо просто не мог ждать – так ему не терпелось поскорее увидеть меня. Интересно, какими глазами он будет смотреть на меня сегодня? Наверное, уже не такими влюбленными, как раньше – ведь я заклинанием убила в нем любовь ко мне. А как он будет себя вести? Почувствует, что с ним происходит что-то непонятное или воспримет это, как должное? Ладно! Главное, что он не будет страдать. Тем более, что я скоро уеду, и надолго, а там, как говорится: „С глаз долой – из сердца вон“. Этот прекрасный человек достоин самой большой и настоящей любви, которую я ему дать не могу – он же не Лаки».

Маргарита сначала заглянула в гостиную, где уже был сервирован стол, и увидела сидевшего на диване Джо, ждавшего ее, судя по виду, в большом нетерпении. Рядом с ним расположилась выглядевшая немного растерянной девушка – ей явно никогда не приходилось бывать в таких домах. «Ничего, – мысленно усмехнулась Маргарита, – скоро и у тебя самой будет такой же. Ну, может, не совсем такой, но вполне достойный твоего имени и красоты». А девушка действительно была очень хороша собой, как, впрочем, и все женщины из рода Кертонов, но вот одета просто и без затей. Сразу становилось понятно, что и достаток в семье невелик, да и заниматься собой по-настоящему ей некогда – не ограненный драгоценный камень, который в самом недалеком будущем должен был предстать в полном блеске – Маргарита ведь обещала дать Кертону состояние, а свое слово, даже данное сгоряча или под влиянием минуты, она держала всегда. Подросток же, сын Джо, одетый под стать тете, старательно делал вид, что совершенно спокоен и невозмутим, но его выдавали глаза, которые он не мог оторвать от развешанного по стенам оружия. Они горели от любопытства и явного желания хотя бы потрогать его, если уж не подержать в руках, что, в общем-то, его возрасту и свойственно.

– Добрый день! – приветствовала своих гостей, входя, Маргарита. – Я очень рада, что вы нашли время и возможность посетить меня.

Кертон резко вскочил, посмотрел на нее и в его взгляде промелькнула некоторая растерянность – видимо, он не почувствовал в душе того прежнего волнения, которое испытывал при виде ее.

– Здравствуйтесь, мисс Королева, – несколько неуверенно сказал он.

– Джозеф! – рассмеялась она. – Поверьте, я все та же Марджори, что и раньше, и умоляю, пусть вас не смущает весь этот антураж, – она повела рукой вокруг. – Я по-прежнему ваш верный друг и помощник – мы же с вами столько всего пережили в Блэкхилле.

– Ваша правда! – ответил немного пришедший в себя Кертон. – И своим повышением по службе я в очень немалой степени обязан именно вам.

– Искренне рада за вас! – улыбнулась ему она. – Надеюсь, теперь вы будете вести более оседлый образ жизни, не так ли?

– Эту надежду вместе с вами разделяют также моя сестра и сын, – ответил он, окончательно успокоившись. – Позвольте представить вам мою сестру Джоан.

При этих словах девушка поднялась и подошла к ним.

– Очень рада познакомиться с вами, – приветливо сказала Маргарита.

– Брат много рассказывал о вас, – негромким мелодичным голосом произнесла та.

– Представляю себе, как он меня ругал за излишнюю самостоятельность, которую считает безрассудством, – рассмеялась Маргарита.

– О да! – улыбнулась Джоан. – Особенно после просмотра фильма.

– Любый взрослый человек повел бы себя точно так же, если бы увидел, что вы вытворяете, – сказал Кертон и, спохватившись, достал из кармана и протянул ей диск: – Как и обещал, записал этот фильм, – и продолжил: – А это мой сын Артур.

Мальчик подошел к Маргарите и она, как взрослому, протянула ему руку, а он, пожав ее, прямо спросил:

– Мисс, это вы хотите дать папе деньги в долг?

– Артур! – резко воскликнул Кертон.

– Все нормально! – успокоила его Маргарита. – Я всегда ценю в людях откровенность, – а потом обратилась к мальчику: – Вот что бывает, молодой человек, когда слышишь разговор взрослых урывками, – ну не могла же она сказать, что он подслушивал? – Если бы вы слышали его от начала до конца, то поняли бы, что я просто нашла клад, часть которого по праву принадлежит вашему отцу, потому что он является, пусть и дальним, но все-таки потомком прежней хозяйки замки, то есть наследником. Вот и все. А деньги в долг и я сама никогда не беру и другим не даю, потому что дорожу хорошими отношениями со своими друзьями и ни в коем случае не хочу их портить.

– То есть это будут совсем наши деньги? – очень серьезно спросил Артур.

– Именно так! А вы уже придумали, на что будете их тратить? – поинтересовалась она.

– Да! На тетю Джоан! Я хочу, чтобы она была самой красивой и самой счастливой на свете, – решительно заявил он.

– Артур! Перестань! – пыталась остановить его девушка и извиняющимся тоном обратилась к Маргарите: – Простите его, он у нас очень непосредственный.

– А я только приветствую его искреннюю заботу о своих родных, – успокоила ее Маргарита и обратилась к мальчику: – Вы позволите вам в этом помочь? Полагаю, что вы, как мужчина, не очень хорошо разбираетесь в женской моде и вряд ли сможете выступить советчиком в столь деликатном вопросе.

Артур немного растерялся – он никак не ожидал, что эта очень богатая и красивая девушка, от которой он не ждал ничего хорошего, не только поддержит его, но и предложит помощь, и растерянно кивнул.

– В таком случае прошу вас заранее известить меня о дне, когда вы с тетей соберетесь претворять в жизнь ваше достойное всяческой похвалы начинание, чтобы я могла составить вам компанию, – попросила она, чем покорила мальчика окончательно.

Вошедшая горничная внесла чай и Маргарита принялась угощать своих гостей, незаметно подкладывая на тарелку Артура пирожные и пододвигая дорожные конфеты, которые тот, думая, что никто не обращает на это внимание, с удовольствием ел. Да уж! Не по деньгам было его отцу баловать сына подобными вещами, во всяком случае, часто. Но глаза мальчика по-прежнему не могли оторваться от оружия и он, не выдержав, спросил:

– Простите, мисс Королева, а все это настоящее? – и показал на стену.

– В этом доме все настоящее, Артур, – заверила его она и предложила: – Если хотите, можете все это снять со стены и рассмотреть получше, – и тут же успокоила Кертона с сестрой: – Не беспокойтесь, он ни в коем случае не поранится.

Артур, тем временем, снял со стены шпагу, достал из ножен и сделал несколько неуклюжих движений, якобы сражаясь с кем-то, но тут же отложил ее и взял ятаган. Но, если по шпаге он не смог понять, что она не наточена, то по ятагану это было видно сразу.

– Значит, это все-таки бутафория? – с разочарованием спросил он.

– Нет, просто все находящееся в пределах досягаемости оружие затуплено, а мушкеты разряжены, чтобы человек и сам не поранился, и другим не навредил, – объяснила Маргарита.

– А вон то? – мальчик показал почти под потолок на старинную саблю.

– Как раз заточена, но я ее вам не дам, потому что вы совершенно не умеете обращаться с оружием.

– А вы умеете? – глаза мальчишки разгорелись, как два факела.

– Хотите, чтобы показала? – рассмеялась она, и Артур радостно закивал. – Хорошо!

Она позвонила и попросила вошедшую горничную принести стремянку, а, когда ее установили возле стены, поднялась и, сняв саблю, спустилась обратно.

– Ну, смотрите! – предложила она мальчику.

И сабля в ее руке вдруг ожила. Со свистом разрезая воздух, она с такой скоростью описывала восьмерки, что их практически невозможно было заметить, временами казалось, что оружие живет своей собственной жизнью, порхая, как бабочка, вокруг руки Маргариты. Но вот один неуловимый взмах в сторону вазы для фруктов и она, вытерев лезвие салфеткой, убрала саблю обратно в ножны, а потом показала мальчику на лежавший самым верхним в вазе апельсин и предложила:

– Угощайся!

Артур растерянно взял его в руки и тот распался на две половинки.

– Мисс Королева! Но как? – ошеломленно пролепетал он, рассматривая лежавшие ниже фрукты – ни один из них не был даже поцарапан.

– Годы тренировок и гибкая кисть, – объяснила она и, взобравшись на стремянку, повесила саблю на место.

Она еще не успела спуститься, как вошедший Уолтер доложил:

– Мисс Королева! Прибыли маркиз Джордж Бэлси и маркиза Элеонор Бэлси.

Спрыгнув с лестницы, Маргарита направилась им навстречу. Сейчас, когда все треволения, связанные с той гнусной историей, закончились, Джордж выглядел не сказать, чтобы беззаботным, но успокоенным. А вот в глазах его сестры надолго, если не навсегда, поселилась грусть, что нимало ее не портило, а добавляло ее несомненной красоте некоторую загадочность, надломленность, что всегда вызывает в настоящих, сильных мужчинах желание защищать, оберегать и утешать. Маркиз нес в руках завернутую в упаковочную бумагу картину и, войдя, весело сказал:

– Здравствуйте, Марджори! Вот! – он потряс своей ношей. – Никому не доверил!

– Добрый день, Джордж! Я рада, что у вас такое чудесное настроение. И прислоните, пожалуйста, ее поскорее к стене – представляю, как вы с ней намучились.

– Да уж, краски в старину не жалели, – рассмеялся он. – Примите в знак вечной дружбы между нашей семьей и вами, – и, поставив картину возле стены, продолжил: – Позвольте представить вам мою сестру Элеонор, я ей много о вас рассказывал.

Девушка подошла к ней и, пожимая протянутую Маргаритой руку, негромко произнесла:

– Зовите меня Нора. И спасибо вам, мисс Королева. Вы меня спасли.

Как ни тихо это было сказано, но Кертон ее услышал и удивленно посмотрел на Маргариту, которая ответила ему спокойным взглядом.

– Для вас, Нора, как и для вашего брата, я просто Марджори, – сказала ей она.

Представляя гостей друг другу, она заметила, что красота и скромность Джоан произвела на Джорджа самое благоприятное впечатление.

– Мисс Лейкгард, а ведь вы учились в школе вместе с моей родственницей Клэр Эффриот, – напомнил он ей. – Она до сих пор с удовольствием вспоминает вашу дружбу там и очень жалеет, что вы так никогда больше и не встретились.

– Милорд, я бы не рискнула назвать это дружбой – все-таки, кто она и кто я? – улыбнулась ему в ответ Джоан. – Но у нас действительно были очень хорошие отношения, но потом наши пути разошлись. Я посвятила себя воспитанию племянника, а она, как я слышала, в Оксфорде?

– О, да! Занимается там микробиологией. Я ничего в этом не понимаю, но ей нравится и даже что-то получается, – рассмеялся Джордж и тут же стал серьезным. – Но мне совершенно не понравилось ваше выражение: «Кто она и кто я?». Помилуйте! Вы Кертон! Ваш род известен в Англии с двенадцатого века, а Клэр приходится всего лишь очень дальней родней королевскому дому, да и то времен ганноверской династии. Кстати, она сейчас в Лондоне. Вы хотите с ней встретиться?

– Я не знаю, удобно ли это будет – все-таки столько лет прошло, – смутилась Джоан.

– Она хочет, милорд! – решительно заявил Артур. – Тетя мне часто рассказывала о вашей кухне! И фотографии показывала!

– Это и есть мой племянник, милорд, – со вздохом сказала Джоан.

– И я с удовольствием вижу, что, несмотря на возраст, твердый мужской характер уже проявился в нем в полной мере, – с самым серьезным видом покивал Джордж. – Мисс Лейкгард! Дайте мне, пожалуйста, ваш номер телефона, чтобы Клэр могла связаться с вами.

Джоан покорно продиктовала, и маркиз занес его в свой сотовый. Поняв, что тут дело на мази, Маргарита переключилась на Джозефа и Элеонор и увидела, что некоторая потерянности и слабая улыбка девушки, а также ее взгляд раненой лани заставила Кертона расправить плечи, словно он намеревался немедленно броситься за нее в бой. Мальчик же, посмотрев на Элеонор, не удержался и сказал:

– Миледи, а мою маму тоже Элеонор звали. Но она погибла, когда я был совсем маленьким, и я ее только по фотографиям знаю. Она тоже красивая была.

– Но ведь ты ее все равно любишь, правда? – ласково спросила его Нора.

– Очень! И папу с тетей я тоже очень люблю, и бабушку с дедушкой, но мамы все равно не хватает, – откровенно признался он.

– Нашей с Джорджем мамы тоже давно нет в живых, и нам ее тоже очень не хватает, – согласилась с ним Элеонора.

Они как-то сразу почувствовали друг в друге родственные души и улыбнулись, да и выглядел сейчас Артур совсем не маленьким бунтарем, а ребенком, единственным, любимым, но не безгранично счастливым, каким ребенку положено быть, потому что, какое же счастье без мамы? Маргарита пригласила Джорджа с сестрой к столу и поинтересовалась у него:

– Как здоровье вашего батюшки?

– Без изменений, что в данном случае не может не радовать, – став серьезным, ответил он. – Кстати, он высказал самое настойчивое желание срочно познакомиться с вами. Завтра в десять часов утра вас устроит?

– Откуда он узнал о моем существовании? – удивилась она.

– Видите ли, несмотря на болезнь, он находится в курсе всех событий, смотрит телевизор, слушает радио. Вот и узнал, что вы наследница известного нам всем состояния.

– Для меня большая честь быть представленной герцогу Бэлси, и я обязательно встречу с его светлостью, – твердо пообещала она.

Кертон, смотревший в сторону принесенной картины с делано безразличным видом, прислушивался к их разговору самым внимательным образом, а потом не выдержал и спросил у Джорджа:

– Простите мое любопытство, Бэлси, но не могли бы вы сказать, что это за картина? Вы обращались с ней так уважительно, что невольно возникает мысль, не кисти ли Леонардо она принадлежит.

Маргарита недовольно посмотрела на него, но Джозеф и ухом не повел – профессионал чертов! И вместо нее на вопрос ответил ничего не подозревавший Джордж:

– Да нет, Кертон! Это просто парный портрет моего далекого предка и тезки герцога Джорджа Бэлси и его второй жены-француженки. Никто из нас, кроме отца, естественно, его не видел, потому что он висел в Саутгемптонском замке, где мы никогда не бывали – уж очень он старый и поэтому неудобный для жизни.

– А чем же он так примечателен, что вы решили подарить Марджори именно его? – якобы невинно поинтересовался Кертон.

– О, это довольно грустная для нашей семьи история, – усмехнулся маркиз. – Портретов герцога у нас довольно много, а вот изображение этой дамы было только одно – это, а, куда делись остальные, я не знаю. Я специально поинтересовался у отца, что это была за женщина, потому что о ней в нашей семье не принято говорить. Так вот, эта Анна-Маргарита была гугеноткой и сбежала из Франции после того, как католики вырезали всю ее семью. Она как-то попала в дом Берлиблону, потом мой предок увидел ее в театре, влюбился, несмотря на солидный возраст, и женился. Для его детей это был настоящий шок, но после его смерти они испытали еще один, гораздо более сильный. Как оказалось, он сумел через Берлиблону оставить ей огромное состояние. Кстати, мы сейчас находимся в том самом доме, который он купил, чтобы ей было, где жить, после его смерти.

– Ну, может быть, он позаботился не столько о ней, сколько об их детях? – спросила Джоан.

– Детей не было! – ответил Джордж. – Возраст у предка был весьма солидный, да и болен он был неизлечимо.

– Говорили, он ее очень сильно любил, – тихо сказала Элеонор. – И она его тоже, потому что больше замуж так и не вышла.

– Не вышла, но, как гласят фамильные хроники, погуляла она потом на славу. Даже королем Яковом вертела, как мальчишкой, а потом и его сыном, хотя и была старшего его, – добавил Джордж.

– И какова же ее дальнейшая судьба? – спросил Кертон. – Похоронена в вашем фамильном склепе?

– О, нет! – покачал головой маркиз. – Она уехала на родину во Францию, где и скончалась, оставив свое состояние компаньонке. Нет, чтобы о родных подумать!

– Так они же ее не любили, – пожал плечами Кертон и спросил: – И что, никто никогда не пытался?..

– Оспорить распоряжение ее мужа? – продолжил Джордж и невесело рассмеялся. – Так каждый герцог Бэлси начинал с этого. Первым был пасынок Анны-Маргариты, но... – он развел руками. – Берлиблону хорошо знают свое дело. И теперь это состояние в руках нашей уважаемой хозяйки, – он чуть поклонился в сторону Маргариты.

– Отрадно видеть, что вы, не унаследовали неприязнь ваших предков к владелице спорного состояния, – галантно заметил Джозеф. – И даже преподнесли ей портрет женщины, которой она им обязана.

– Нужно воспринимать жизнь реально, – пожал плечами Джордж.

Дальнейшая беседа была самой обыденной: о погоде, о планах Маргариты на будущее, о достопримечательностях Лондона, который, как думали гости, она никогда не видела, и которые ей обязательно нужно посмотреть. Словом, обо всем понемногу. Конечно же, не обошли вниманием и найденный ею тайник с сокровищами. Главным образом, всех интересовало, что она собирается с ними делать?

– А пусть будет! – рассмеялась Маргарита.

И тут вдруг в коридоре раздался шум и чей-то вскрик. Озадаченная Маргарита поднялась, чтобы пойти и посмотреть, что случилось, но успела только выйти из-за стола, когда в гостиную ворвалась Вики. Именно ворвалась. Растрепанная, со сверкавшими гневом глазами, она готова была разорваться от переполнявших ее эмоций и высказаться, невзирая на приличия. Но тут она увидела Кертона и осела, как резко остановленная на скаку лошадь.

– Здравствуй, Вики, – холодно сказала Маргарита. – Не помню, чтобы я тебя приглашала, и поэтому уж никак не ждала. У вас что-то случилось, раз ты такая возбужденная? – Та с огромным трудом взяла себя в руки, но ничего не ответила. – Позвольте представить вам дочь моего опекуна мисс Виктори Берлиблону, – без малейших признаков радушия сказала она.

– Ну, кто же в Лондоне не знает мисс Берлиблону? – с непонятной пока ей интонацией произнес Джордж.

Элеонор же ограничилась простым кивком головы и не произнесла ни звука, но вот выражение ее лица, на котором отразилось лишь брезгливое презрение, говорило само за себя. Такое поведение маркиза с сестрой сильно озадачило Маргариту, но сейчас ей было некогда с этим разбираться – все ее внимание было обращено на Вики, которая в любой момент могла выкинуть такое, что потом уже ее пришлось бы в буквальном смысле этого слова выкидывать из этого дома.

– Добрый день, Кертон! – сказала, наконец, Вики.

– Здравствуйте, мисс Берлиблону, – безразличным тоном ответил тот.

– Привет, Джоан! – попыталась улыбнуться она, но получила в ответ произнесенное таким же, как и у брата, безразличным тоном:

– Добрый день, мисс Берлиблону.

– Ну, зачем ты как, Джоан? – удивилась Вики. – Мы же с тобой вместе в школе учились!

– Это было давно, – не глядя на нее, ответила та.

– Ну и что? – как не в чем ни бывало, продолжала та. – Мы провели столько лет рядом!

И тут вмешался Артур, который, с ненавистью глядя на нее, спросил:

– Значит, вы и есть та самая мисс Берлиблону, которая изрезала платье моей тети перед выпускным балом?

В комнате повисла гнетущая тишина. Джордж с сестрой переглянулись и принялись рассматривать оружие на стенах, Джоан отвернулась, Джозеф просто отвел глаза, а Маргарита с интересом наблюдала, как будет выпутываться из этой ситуации растерявшаяся Вики, не испытывая к той ни малейшего сочувствия.

– Это была не я! – попыталась выкрутиться та.

– Это были вы! – стоял на своем багровый от гнева Артур. – Папа это точно выяснил!

– Ну, пусть я, – сдалась Вики. – Я тогда посчитала, что ее платье гораздо красивее моего, вот и разозлилась. Это была просто шалость.

– Это была очень жестокая и подлая шалость! – звенящим от гнева голосом почти выкрикнул мальчик.

– Ну, хочешь, я куплю твоей тете много-много самых красивых и дорогих платьев, – предложила Вики.

– А еще устройте для нее еще один выпускной бал? – издевательским тоном поинтересовался Артур. – Тот самый, который бывает один раз в жизни?

– Хватит, Артур, – жестко сказал Джо, на что его сын только раздраженно повел плечом, не спуская ненавидящего взгляда с Вики. – Мисс Берлиблону! – Кертон обратился к ней самым официальным тоном и глаза его при этом были холодны и полны презрения. – Я прошу у вас извинения за поведение моего сына. В силу своего возраста он еще не умеет контролировать свои эмоции и бывает излишне резок и прямолинеен. Надеюсь, с годами это пройдет.

Вики же, встретив взгляд Джозефа и правильно его поняв, резко развернулась и выбежала из гостиной. Извинившись перед гостями, Маргарита вышла вслед за ней, но не догнала – та просто сбежала. Зато она увидела расстроенную горничную и поинтересовалась, что произошло недавно в коридоре.

– Это упал мистер Джонс, мисс, – сказала та и, увидев недоумение на лице хозяйки, пояснила: – Ваш дворецкий.

«Великое небо! – со стыдом подумала Маргарита-Елена. – А ведь я даже не поинтересовалась его фамилией, просто Уолтер и все. И когда же я успела набраться такого высокомерия?»

– Он хотел задержать ту девушку, чтобы доложить о ней, а она оттолкнула его с такой силой, что он упал и сильно ушибся, – продолжила горничная. – А еще она назвала его «старым дураком» и «предателем».

– Врача вызвали? – всполошилась Маргарита.

– Нет, он запретил, сказал, что ничего страшного с ним не случилось. Он у себя в комнате лежит, говорит, что скоро все пройдет.

– Немедленно вызовите врача! Самого лучшего! Я все оплачу! – резко приказала Маргарита. – А Уолтер пусть лежит и отдыхает. Передайте ему, что я зайду к нему, как только гости уедут.

Маргарита взбесилась настолько, что почти не владела собой. Конечно, по-хорошему, ей следовало немедленно пойти к Уолтеру, но и гостей она надолго оставить не могла. Пообещав себе, что Вики ей за все ответит, она несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы немного успокоиться и вернулась к гостям. В гостиной она застала тихий, но яростный семейный скандал, к которому с большим интересом прислушивались Джордж с сестрой – это Кертон и Джоан устроили Артуру выволочку, а он вместо того, чтобы повиниться и начать хлюпать носом, только упорно отбивался – характер у него имелся, это точно.

– Пожалуйста, оставьте Артура в покое! – попросила она. – Стремление защитить своих близких и восстановить справедливость – прекрасно и похвально у мужчины в любом возрасте. Когда-то для этого требовались пистолеты и шпаги, а теперь остались только слова, но и ими можно при желании убить.

Обрадовавшись, что у него нашлась защитница, мальчик сказал:

– Мисс Королева, я уже видел, как умеете саблей пользоваться, а еще папа говорил, что вы хорошо стреляете и деретесь. Научите меня хоть чему-нибудь, чтобы я мог тетю защитить, а то папе всегда некогда, – попросил он.

– Зови меня просто Марджори, – предложила она. – Не настолько уж я тебя и старше.

– Хорошо, Марджори, – согласился он. – Значит, вы научите меня драться?

– Артур, ситуация, когда женщина учит мужчину драться, кажется мне противоестественной, обратитесь лучше к отцу, – посоветовала она.

– Он всегда занят, – вздохнул мальчик.

– Ничего, теперь у него, я думаю, будет гораздо больше свободного времени, – утешила его она. – Кроме того, есть же, наверное, какие-нибудь спортивные школы, где мальчиков учат постоять за себя.

– Есть, – вздохнул Артур. – Только это очень дорого.

– А вот эта проблема перед вашей семьей больше не стоит, – напомнила ему Маргарита.

Кертон с сестрой слушали их разговор, но вот реагировали по-разному: на губах девушки играла легкая улыбка – наверное, она подумала, что Маргарита смогла бы заменить Артуру мать, раз они так хорошоладили, а вот Джо... Странное у него было выражение лица. Случись этот разговор до того, как Маргарита убила в нем любовь к себе, он бы сиял от радости и грезил о счастливой семье, но сейчас... На его лице (тут и в его мысли заглядывать не требовалось) было большими буквами написано: «Я рад, что вы так подружились, но мать

моему сыну нужна другая». А вот маркиз с сестрой, услышав последние слова Маргариты, явно насторожились и невольно переглянулись. И Маргарите даже в голову не пришло их осуждать, потому что деньги – это всегда деньги.

– Кертон! Мисс Лейкгард! – сказал Джордж. – Мы с сестрой, конечно, совершенно посторонние вашей семье люди, но должны сказать, что оба были бы счастливы и горды иметь такого отважного и решительного сына. Так что не ругайте его – он вел себя, как настоящий джентльмен, встав на защиту своей тети.

Польщенный Артур покраснел и засопел носом – не иначе, как от гордости. Может быть, Джордж сказал бы еще что-нибудь столь же приятное для мальчика, но тут зазвонил его телефон. Извинившись, он отошел в сторону, чтобы поговорить, а, когда вернулся, стал прощаться:

– С вашего позволения, Марджори, мы с сестрой вас покинем – нам необходимо срочно вернуться домой.

– Конечно, Джордж, и очень надеюсь, что это никак не связано со здоровьем вашего отца, – поднимаясь из кресла, сказала Маргарита.

– Леди Элеонор, я очень рад, что встретил вас, вы хорошая и добрая, – немного смущенно произнес Артур.

– Я тоже очень рада нашей встрече и хочу, чтобы она не была последней, – улыбнулась ему она.

– Знаете, миледи, мы с Марджори собираемся сделать тетю Джоан еще красивее, чем она сейчас. Вы нам поможете? – попросил мальчик.

– И с большим удовольствием, – искренне пообещала Элеонор.

«Дело, кажется, на мази, – подумала Маргарита. – Эти двое явно понравились друг другу, а уж Джо я как-нибудь обработаю. Нора будет ему хорошей женой. Настоящей», а вслух сказала:

– Джордж, Элеонор! Приглашаю вас к себе в любое удобное для вас время – для вас я всегда дома.

Маргарита пошла проводить их, и уже возле двери Джордж попросил сестру:

– Нора! Подожди меня в машине! – и, когда они остались вдвоем, продолжил: – Марджори! Вы очень умная девушка, но у вас есть один недостаток, который вы пока не в силах исправить: вы ничего не знаете о высшем свете и расстановке сил в нем. Бэлси никогда не собирали и не распускали сплетни, но наша семья в неоплатном долгу перед вами и я не могу промолчать. Я не буду углубляться в подробности, просто поверьте мне на слово, что для собственного же блага вам ни в коем случае не следует появляться на людях с Вики или ее братом, а также упаси вас бог знакомиться с кем-то из их окружения. Если это произойдет, на вашу репутацию падет такая тень, избавиться от которой будет практически невозможно. А, чтобы вы меня правильно поняли, скажу, что испорченное платье мисс Лейкгард – это даже не цветочки! Это были еще только их семена!

Вот это да! Такого Маргарита не ожидала! Вики не понравилась ей с первого же взгляда, и она мирилась с ней только ради ее отца... Отца! И она сказала:

– Джордж! Я все правильно поняла, спасибо! Но хотела бы уточнить, не отразилась ли безвозвратно испорченная репутация Вики и Энтони на профессиональной деятельности их отца?

– Марджори! Я никогда не интересовался банковским делом, но слышал, что в последнее время у баронета какие-то неприятности. А уж связаны они с его детьми или нет, не знаю, – обтекаемо ответил Джордж.

– Не-при-ят-нос-ти, – медленно, по складам повторила она, чувствуя, как ее охватывает холодная рассудочная ярость. – Ладно! Я с этим разберусь! – и, подумав, сказала: – Джордж! Вы говорили, что мисс Эффрот училась в школе вместе с Джоан, значит, и одновременно с Вики? – Он кивнул. – Пожалуйста! Устройте мне встречу с ней! Сегодня же! Меня, как и вас, не интере-

суют сплетни. Мне нужны факты, чтобы я могла сориентироваться – Берлибблоу ведь управляет моим состоянием, а я не собираюсь терять из него ни пенни!

– С удовольствием вам помогу, – заверил ее Джордж, доставая сотовый: – Клэр! Привет тебе от мисс Лейкгард! ... Да, познакомился с ней у наших общих друзей, взял номер телефона и ты, если захочешь, сможешь с ней созвониться и встретиться. Не верещи! У меня уже в ухе звенит! ... У меня к тебе просьба: не могла бы ты поболтать по душам с одной девушкой? ... Ты так сильно занята? То есть совсем-совсем занята? ... А, если я тебе назову имя этой девушки? ... Нет, не принцесса! Это Королева! Мисс Маргарет Королева! ... Да, та самая! ... Представь себе, не только знаком, но мы с ней еще и друзья! От нее-то я тебе и звоню. ... Как?! Ты уже не занята? И, когда же ты освободилась? ... Ладно, не буду! Я дам ей твой адрес и она придет к тебе, когда освободится. ... Представь себе, тоже занята – у нее в гостях Кертон с семьей, так что придется теперь уже тебе подождать. Ну, все! Пока! – убрав сотовый, он написал на листке координаты своей кухни и напомнил Маргарите: – Значит, мы ждем вас завтра к десяти часам, машину я за вами пришлю – вы же пока не обзавелись своим автомобилем?

– Спасибо! Я обязательно буду, – завершила его она. – Кстати, не подскажете мне, какая из лондонских клиник считается наилучшей?

– Их несколько, но папа наблюдается в «Госпитальере». А зачем вам? – удивленно спросил маркиз.

– Надо кое-кого обследовать, – не стала пускаться в подробности Маргарита. – Не подскажете, как оттуда врача вызвать?

Недоумевающий Джордж поискал в своем сотовом номер и продиктовал его ей.

– Это телефон доктора Скотта, который лечит моего отца, так что вам он вряд ли подойдет, но он сможет подсказать, как все организовать.

Проводив его, Маргарита вернулась в гостиную и с порога увидела, что веревки на упакованной картине были разрезаны, бумага снята, и Джозеф рассматривал ее самым внимательным образом. Это было неприятно, но не опасно, поэтому она решила пока не обращать внимания на его своеволие, а разобраться попозже.

– Извините, что надолго вас покинула – надо было поговорить кое о чем с Джорджем, – сказала она.

– Нам, наверное, уже тоже пора, Марджори, – сказала, поднимаясь, Джоан. – А то неизвестно, кого вы еще ждете в гости, и я боюсь, что Артур соберет целую компанию для похода по магазинам, а я к этому непривычна, – улыбнулась она.

Как же в этот момент Джоан напомнила Маргарите Елену, которая до встречи с Тетушкой была еще больше закомплексована и не уверена в себе и своих силах. «Ничего, – подумала Маргарита, – у меня до отъезда хватит времени, чтобы превратить эту серую мышку в нормального человека, но начинать нужно прямо сейчас».

– Джоан, – мягко сказала она. – Я думаю, что вам нужно начать потихоньку отвыкать от прежнего образа жизни. Вы Кертон! Это славное имя в истории Англии. А в свете того, что довольно скоро ваше благосостояние резко изменится в лучшую сторону, вам тоже надо меняться. – Девушка хотела ей что-то ответить, но Маргарита ей не дала, проникновенно говоря, как бы заклиная: – Джоан! Послушайте меня, посмотрите мне в глаза и поверьте! Просто поверьте, что я знаю, о чем говорю! Я знаю, что это трудно, а, точнее, страшно! Будущее всегда пугает своей неизвестностью! Но рядом с вами люди, которые вас любят и хотят видеть счастливой! Так доставьте им это удовольствие! Станьте такой! Никто не говорит о том, что вы ляжете спать одним человеком, а проснетесь другим. Это невозможно! Но ведь можно меняться постепенно, шаг за шагом. Многие годы ваша жизнь была серой, обыденной и не очень радостной, но кто говорит, что она должна остаться такой навсегда? Посмотрите на себя в зеркало! Вы же красавица! Так позвольте людям любоваться вами. В вашей жизни

наступило утро и цветку пора раскрыться, чтобы предстать во всей красе. И я с удовольствием вам в этом помогу, как и Джозеф с Артуром, правда? – она повернулась к ним.

– Тетя Джоан! Я всегда говорил, что ты самая красивая на свете! – заявил мальчик. – Правда, папа?

– Конечно, сынок, – кивнул ему Кертон и сказал: – Джоан, подожди меня с Артуром в машине. Я скоро приду.

Попрощавшись с Маргаритой, девушка с мальчиком ушли, и она недовольным тоном сказала:

– Не помню, Джо, чтобы я просила тебя развернуть картину. Зачем ты это сделал? – они были вдвоем, и официоз был уже не нужен.

– Чтобы убедиться в собственной правоте, – вздохнув, ответил Кертон. – И убедился!

Маргарита могла остановить его не что словом, а просто одной мыслью, но решила, что пусть лучше уж здесь и сейчас он побушует у нее на глазах, чем начнет собирать о ней информацию, где только возможно, а способов для этого у него предостаточно.

– Я был подростком, когда мы с отцом, а он был знаком с герцогом Бэлси, заезжали к нему в Саутгемптон, где почему-то жил его старший сын Джон. Они о чем-то разговаривали, а я рассматривал портреты. И вот на одном, как раз парном, я хорошо запомнил одну девушку и еще тогда поразился ее красоте. Кстати, он висел возле лестницы для прислуги, то есть ни в коем случае не считался ценным, а это полностью соответствует словам маркиза, что эту женщину в семье не любили, – задумчиво говорил он. – Потом я увидел тебя в Блэкхилле и подумал, что уже где-то встречал, но это было невозможно – ты ведь только что приехала из Швейцарии, а об этом портрете я в тот момент даже не вспомнил. Когда же я посмотрел рисунок отца Патрика, то тот портрет просто встал у меня перед глазами. Помнишь, отец Патрик писал в дневнике: «Мой друг Д.Б., его знатное происхождение, высокое положение при дворе». То есть герцог Джордж Бэлси. Потом была его короткая связь с Джейн Лоррибай из рода Кертонов, в результате которой родилась их дочь Маргарет. И я понял, что герцог женился на тебе, чтобы вернуть законное имя, дать титул и состояние.

– Причем здесь я, Джо? – тихо спросила Маргарита.

– Знаешь, а ты совсем не изменилась за эти годы, – он перевел на нее грустный взгляд. – Сколько веков прошло? Четыре? Да, четыре.

– Джо, с тобой становится трудно разговаривать – ты меня не слышишь, – покачав головой, сказала она.

– Потому что знаю, что не услышу правду, – пожал плечами он. – Как я понимаю, тогда с помощью Берлиблэу ты из дочки мельника превратилась в дворянку-француженку, а сейчас с их же помощью стала воспитанницей швейцарского монастыря. Кстати, какого именно?

– Святой Терезы, – спокойно ответила Маргарита, думая, что ничем не рискует – слишком узок был круг людей, в действительности знавших, что представляет собой это заведение.

Но, как оказалось, Кертон знал, потому что лицо его дрогнуло и он негромко воскликнул:

– О да! Ты была права! Человек не может научиться властвовать! С этим качеством нужно родиться! Я должен был догадаться раньше, как только услышал твою фамилию. Ты знаешь, что она значит по-русски?

– Нет, – пожала плечами Маргарита, подумав, что, оказывается, Джо еще и русский язык знает.

– Queen! – сказал он. – И эта фамилия тебе очень подходит! Незаконнорожденный ребенок из какого-нибудь королевского дома – это именно для тебя, – невесело рассмеялся он. – И думаю, что без помощи Берлиблэу здесь не обошлось. В Италии Берлиблотти, а в Швейцарии?

– Берлибберы, – охотно сообщила она, уже все для себя решив и сейчас просто развлекаясь.

– Да-а-а! А я-то все удивлялся, откуда ты все знаешь и умеешь, если тебе по документам только восемнадцать лет? А ты за четыре века такого жизненного опыта набралась, что тебе сам черт не брат. Прав был тот княжеского рода мафиози, когда сказал, что никто до конца не знает, кто ты есть на самом деле. Слушай! – спохватился он. – Так ты тогда из замка подземным ходом ушла? – Она кивнула. – А сбежала через Чертов лес?

– Вместе со Странной Мэри, – подтвердила она.

– А этого лорда Блэкхарта и...

– Иезуита со служанкой? Я! А еще мельника, который числился моим отцом.

– А ты знаешь, кто был тот мужчина, что умер в казино «Колесо фортуны»? – спросил Джо, и она в ответ только пожала плечами. – Да нет! Знаешь! – уверенно сказал он. – Это был настоящий маркиз Бэлси, старший сын герцога, тот самый Джон, который жил в Саутгемптоне. Помнишь, как он сказал тебе, что, хоть вы и не знакомы, но он видел тебя сто тысяч раз? Только он видел не тебя, а портрет, по которому тебя узнал. А вот Джордж до его смерти титуловал себя маркизом незаконно, потому что должен был довольствоваться титулом лорда Кингшилда! А тут Джон как-то внезапно умер и освободил ему путь и к титулу, и наследству, – внимательно глядя на нее, говорил Кертон.

– Хорошо, сознаюсь! Его тоже я убила, – охотно согласилась Маргарита и скомандовала: – Бери картину и иди за мной!

Кертон недоуменно на нее посмотрел, но покорно поднял картину и пошел за ней из комнаты, а Маргарита, подойдя к портретной и отперев дверь, почти втокнула туда Джо.

– Смотри! – сказала она и, переходя от одной картины к другой, стала перечислять: – Это я во Франции, это в Греции, в Испании, в Италии... Кстати, той самой княгиней Санта-Адриано была тоже я... Это снова Англия, время правления Карла Второго...

– Хватит! – жалобно попросил Кертон, рухнув на банкетку. – Марджори, но этого же не может быть. Человек не бессмертен, а в сказки я не верю!

– Наконец-то, прозрел! – воскликнула она, всплеснув руками – А я все ждала, когда твое помрачение пройдет!

– Но как? Как?! – растерянно вопрошал он.

– Джо, ты способен рассуждать логично? – спросила она, и он кивнул. – Тогда давай начнем сначала. Я специально привела тебя сюда, чтобы все было наглядно. Итак, я согласна с тобой, что Маргарет Миллер и Анна-Маргарита Бэлси это один человек, но о ее прошлом на территории современного Блэкхилла я знаю столько же, сколько и ты, а именно то, что нам рассказал святой отец, и никакой ответственности за это не несу. Теперь дальше. Овдовев, она, как мы слышали, вела довольно бурную жизнь и вполне могла тайно родить ребенка, которого отправила на воспитание во Францию, куда потом уехала сама.

– Почему же она оставила состояние не ему, а компаньонке? – задал свершено здравый вопрос Кертон.

– А, может быть, эта якобы компаньонка и была ее дочерью? – спросила в ответ Маргарита.

– Я об этом как-то не подумал, – сказал несколько приободрившийся Джо.

– Уже лучше, – вздохнула Маргарита. – Вижу, что здравый смысл к тебе возвращается, что обнадеживает. Теперь рассмотрим портреты исключительно в познавательных целях безотносительно их качества, стоимости и так далее. То, что бессмертных не бывает, мы уже выяснили, – и она, переходя от портрета к портрету, начала спрашивать: – Сколько лет женщине на этом портрете? – Ответы Кертона варьировали от двадцати до сорока с хвостиком. – А, поскольку все костюмы разных эпох, то это никак не может быть одна и та же женщина?

– Нет! – уверенно сказал Джо и тут же добавил: – Но они все на одно лицо. К тому же эти костюмы могут быть и карнавальными.

– Женщины похожи между собой, – поправила его Маргарита и предложила: – Чем с тобой спорить, может быть, ты сам пройдешь вдоль стен и посмотришь подписи художников и даты на картинах.

Кертон настороженно взглянул на нее, явно ожидая какой-то подвох, но все-таки поднялся и осторожно начал рассматривать портреты, стараясь держаться от них подальше, как будто изображенная на них женщина могла выскочить из рамы и наброситься на него. Когда он обошел по периметру все портретную, то снова сел и со стоном схватился за голову.

– Черт! Я не самый большой знаток живописи, но даже я понимаю, что все портреты написаны не просто в разные годы, а в разные века! Но как?

– А почему не предположить, что все эти женщины просто родственницы? В семье дочери Анны-Маргариты могло быть несколько дочерей, у тех свои дочери, и так далее.

– Допустим, – согласился он. – Но почему они все собраны именно здесь?

– Наверное, потомки Анны-Маргариты относились к этому дому, как к своему родовому гнезду, да и состояние находится в Англии. Кроме того, Европа постоянно бурлила, а здесь после Кромвеля таких потрясений не было, вот все ценное или дорогое сердцу сюда и свозили, – объяснила она.

– Но это не снимает вопроса с тобой, – снова перешел в наступление Кертон.

– Хорошо. Мы с тобой уже выяснили, что бессмертных нет. Значит, исходим из того, что мне восемнадцать лет, и я на самом деле воспитывалась в том монастыре. Я действительно не знаю, кто мои родители и как я туда попала, но Берлибблоу щедро платил за меня, и я пользовалась там полной свободой. Между прочим, и он, и Берлиббер постоянно навещали меня, так что я знаю их с детства. Библиотека там богатейшая и я прочитала ее от корки до корки, что, знаешь ли, развивает умственные и логические способности, да и во всех остальных отношениях весьма познавательно.

– А как же умение стрелять и драться? – ехидно поинтересовался Кертон.

– Я же сказала, что пользовалась там полной свободой, что позволило мне научиться всему, чему хотела, так что развлекалась я вовсю, – терпеливо повторила Маргарита.

– Но кто же тогда завещал тебе это состояние?

– Берлибблоу сказал, что моя крестная мать, а, может быть, и родная, – пожала плечами она. – Ее уже нет в живых.

– А зачем тебе я и моя сестра? – уже серьезно спросил он.

– Затем, Джо, что, если из-за внешности предположить, что я тоже принадлежу к этой семье, – она показала на портреты, – то мы родственники! Пусть через несколько поколений, но родственники! И я не позволю вам прозябать! Ты должен занять достойное положение в обществе и займешь! Ты должен жениться на девушке из хорошего дома, чтобы у Артура была не только настоящая мать, но и братья с сестрами, и женишься! Твоя сестра должна выйти замуж за достойного человека и родить от него умных и красивых детей – не может же она посвятить всю свою жизнь только племяннику? И она выйдет! Твой сын должен получить самое лучшее образование и получит! – категорично говорила она, словно гвозди вбивала.

– Ну, хорошо, – согласился он. – Насчет Джоан и Артура ты права, но вот с моей женьбой ты явно погорячилась – я жениться не собираюсь!

– Уж не из-за меня ли? – воскликнула Маргарита. – А ну отвечай откровенно, ты меня любишь по-настоящему? – потребовала она, и Кертон возмущенно вскинулся, но она не дала ему и слово сказать и продолжила: – Ты, прежде, чем бурлить от негодования, подумай хорошенько, прислушайся к себе, к своему сердцу! – Джозеф недоуменно уставился на нее, задумался, потом вздрогнул и... смутился. – Молчишь? – Он ничего не ответил. – Вот и хорошо, что не врешь! Ты меня не любишь, и я тебя не люблю. Это было, как я уже говорила, приключение и только. И ты, хорошенько подумав, теперь со мной согласен. Нам было хорошо вместе, но это, как говорится, еще не повод для знакомства, но я по-прежнему твой верный и надеж-

ный друг. А теперь скажи мне, сколько лет ты еще собираешься по девкам бегать? Ладно, когда тебя по всему свету кидало, это еще можно было понять, но сейчас, когда ты будешь вести более оседлый образ жизни? Служебными романами собираешься перебиваться? Так это, знаешь ли, чревато! Ты уже не мальчик! Выйдет замуж Джоан! Вырастет Артур! А что будешь делать ты? Продолжишь жить волком-одиночкой?

– Ну, ты не очень-то на меня дави! – разозлился Кертон.

– Я?! Давлю?! – удивилась Маргарита. – Да! Ты неплохо меня изучил, но даже представления не имеешь, что бывает, когда я действительно начинаю на кого-то давить!

– И упаси меня господи от этого, – совершенно искренне сказал Джозеф.

– Я просто объяснила тебе, что в твоём новом положении ты можешь рассчитывать на очень достойную партию, – устало выдохнула Маргарита. – Джо, поверь, я очень хочу видеть тебя счастливым! И Джоан с Артуром тоже!

– Конечно, ты права в том, что у сестры должна быть своя жизнь, – невесело согласился Кертон. – Но ты же ее видела – она не создана для высшего света, куда ты ее изо всех сил тянешь. Она совсем другой человек, и ей там будет неуютно.

– А Элеонор? Она дочь герцога Бэлси, а выше него только королевская семья! Но чем она отличается от Джоан? Только одеждой! – возразила ему Маргарита. – А на самом деле она такая же скромная, милая девушка, как и твоя сестра. Вот отправимся мы все вместе по магазинам, познакомятся они получше, и я уверена, что обязательно станут подругами. Тем более, что Артур в Элеонор просто влюбился.

– Ладно! – смирившись, вздохнул Кертон. – Делай, как считаешь нужным, но учти: если из-за тебя моя сестра станет несчастной, я тебя просто убью! – с нешуточной угрозой произнес он.

– Во-первых, не станет, – уверенно заявила она. – А, во-вторых, – Маргарита тихонько рассмеялась, – неужели ты думаешь, что у тебя есть для этого хоть какой-то шанс?

Джо пристально посмотрел ей в глаза, но ничего не ответил. Проводив Кертона до машины, где его ждали сестра и сын, Маргарита с восхищением подумала: «Да уж! Быть Джо со временем генералом! А картину эту теперь даже в реставрацию отдавать опасно, хотя на ней за четыре века скопилось столько пыли и грязи, что только такой профессионал, как Кертон, смог найти сходство между Анной-Маргаритой и мной – мало ли кому какие мысли в голову придут? Мне еще предстоит с герцогом Бэлси на эту тему объясняться».

Вернувшись в дом, Маргарита первым делом отправилась в комнату Уолтера. Дворецкий лежал на кровати с забинтованной головой, но, увидев ее, все же попытался подняться.

– Даже не думайте! – остановила она его, пододвинув к кровати стул и сев рядом. – Отдыхайте! Как я вижу, ваша голова забинтована явно непрофессионально, значит, врача не было?

– Ваша светлость! Ну, зачем мне врач? Ведь ничего страшного не случилось, – слабым голосом ответил он. – Так, кожа немного рассечена, ну и шишка, конечно. Думаю, что уже завтра я буду на ногах.

– Вы будете на ногах тогда, когда врач разрешит, – отрезала она. – Вы мне слишком дороги, Уолтер, чтобы я рисковала вашим здоровьем.

– Простите меня, ваша светлость, но я уже сообщил господину баронету о том, что тут произошло, чтобы он был хоть немного подготовлен к встрече с вами, – виноватым голосом произнес Уолтер.

– А о том, что это Вики толкнула вас так, что вы упали, тоже сообщили? – невинно поинтересовалась Маргарита, и дворецкий, вздохнув, закрыл глаза. – Ох, Уолтер! Я же все понимаю. Может быть, физически ваша травма и не очень серьезна, но я чувствую, как вам горько и больно, что один из Берлиблэу, которым из поколения в поколение служила ваша семья, так грубо обошелся с вами.

Губы дворецкого дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но потом решил промолчать. Маргарита поняла, что за этим кроется какая-то, связанная с семьей Берлибблоу тайна, и с восхищением подумала: «Да-а-а! Таковую преданность в наше время трудно встретить! Только я ведь все равно узнаю то, что мне надо», и решительно заявила:

– Сейчас я вызову для вас врача и не вздумайте отказываться! А, пока он не приехал, поспите! Сон для вас сейчас – не только отдых, но и лучше лекарство! Спите!

Под действием заклинания старик тут же уснул, а Маргарита стала самым бессовестным образом рыться в его мыслях и воспоминаниях. И никакие угрызения совести ее не мучили – не для того когда-то герцог Бэлси оставил ей состояние, не для того она столько веков его увеличивала всеми возможными способами, чтобы сейчас из-за каких-то мерзавцев потерять его. Узнав все, что ей было нужно, она вышла из комнаты дворецкого и увидела в отдалении двух горничных – ох, уж это женское любопытство! Она поманила их к себе и, когда они подошли, жестко сказала:

– Я приказала вызвать самого лучшего врача. Почему это не было сделано?

– Простите, мисс, но нам мистер Джонс запретил, – испуганно пролепетала одна из девушек. – Он сказал, что просто ушибся, вот полежит немного и все скоро пройдет.

– Приказы в этом доме отдаю только я и они должны выполняться неукоснительно! Это вам первое и последнее предупреждение! Второго не будет! – достав сотовый, Маргарита позвонила в клинику: – Доктор Скотт? Ваш номер мне дал маркиз Бэлси. Меня зовут Маргарита Королева.

Ее собеседник, отвечавший ей до этого вальяжным тоном, несколько смешался и переспросил:

– Простите, мисс, та самая?

– Да, – невозмутимо подтвердила она, понимая, что люди еще долго будут реагировать на ее имя подобным образом. – С моим дворецким, мистером Джонсом, мужчиной весьма преклонного возраста, произошел досадный инцидент, и я хотела бы, чтобы он прошел максимально полное обследование. В вашей клинике это можно сделать?

– У нас можно все, мисс Королева, – заверил ее Скотт.

– Стоимость значения не имеет – я им очень дорожу. Счет вы отправите банкиру Берлибблоу.

– Это немного не мой профиль, но я все организую, – пообещал врач. – Куда должна прийти машина за мистером Джонсом?

– В мой особняк на Парк-лейн. Я сейчас должна уехать, но оставлю прислуге все необходимые распоряжения. Когда будут готовы все результаты?

– Если все, то к утру понедельника, – ответил доктор, явно разочарованный тем, что не сможет встретиться с ней лично.

– Очень, хорошо. Значит, утром в понедельник я вам позвоню, и мы договоримся о встрече, чтобы обсудить состояние здоровья мистера Джонса, – подсластила пилюлю Маргарита и, отключив телефон, спросила у горничных: – Все поняли? – Девушки испуганно и синхронно кивнули. – Тогда выполняйте! И вот еще что: вызовите мне такси!

Девушки тут же почти бегом бросились в разные стороны, а Маргарита пошла к себе в спальню за сумочкой – она собиралась ехать к Клэр Эффрот.

Сев в машину, Маргарита назвала данный ей Джорджем адрес и по дороге думала об Эффротах. Она знала эту семью (естественно, ее старшие поколения), единственным достоинством которой было то, что предок Клэр когда-то женился на одной из незаконнорожденных дочерей Вильгельма Четвертого, которых ему родила актриса Дороти Джордан. «Десять детей за двадцать лет связи! Вечно беременная или кормящая гражданская жена, как бы ее сейчас назвали! – мысленно хмыкнула Маргарита. – И, только взойдя на престол в 1830 году, Вильгельм смог дать титул графа Мунстера своему старшему сыну Джорджу, а остальные так

и остались Фицкларенсами. Ладно, все это дело прошлое. Интересно, что собой представляет сама Клэр? В ее пользу говорит хотя бы то, что она не прожигает жизнь, а учится в Оксфорде. Великое небо! Микробиология! Для меня темный лес с буреломом, так что на эту тему я разговор поддержать точно не смогу».

За этими размышлениями она не заметила, как доехала до небольшого, старинного особняка в Хэмпстеде, одном из самых престижных районов Лондона. Она расплатилась с водителем такси и нажала на кнопку звонка рядом с кованной металлической калиткой и такими же воротами. Буквально через минуту дверь особняка открылась и, спустившись с крыльца, по дорожке к ней направилась девушка в джинсах и пуловере, то есть явно не горничная. Когда она подошла, Маргарита представилась и объяснила, кто ей нужен.

– Это я, – весело ответила ей девушка. – Вы знаете, сколько я вас уже жду? Все это время возле окна просидела и вас выглядывала! Пойдемте!

Они направились к дому и по дороге Маргарита извинилась:

– Простите, что заставила вас ждать – вы ведь, как я поняла, очень заняты.

– А! – беспечно ответила Клэр. – Вы даже не можете себе представить, как мне надоела эта микробиология!

– Вот это да! – удивилась она. – А Джордж сказал, что она вам нравится.

– Да, никогда она мне не нравилась, а нравился один человек, который ей увлечен так, что ничего вокруг больше не видит, – раздраженно ответила девушка. – Вот я, как последняя дура, за ним и поперлась! А на самом деле она мне нужна, как зайцу звонок! И, вообще, я всегда литературой Востока увлекалась, даже японский начала учить, а тут!.. – вздохнула она.

– А теперь этот человек разонравился, – поняла Маргарита. – Так, может, не поздно еще все переиграть?

– Пытаюсь. Главное, убедить маму в том, что так будет лучше, а то столько времени и денег было уже потрачено, и все зря! – вздохнула она.

– Мисс Эффрот... – начала Маргарита.

– Клэр! – перебив ее, поправила девушка.

– Тогда я Марджори, – согласилась Маргарита и продолжила: – Клэр, вы ведь выбираете дело всей своей жизни. Объясните своей маме, что ей лучше согласиться с вами сейчас, когда еще не поздно все изменить, и этим сделать вашу дальнейшую жизнь и работу счастливой и радостной, чем заставить заниматься нелюбимым делом, в котором вы при таком отношении к нему вряд ли добьетесь какого-нибудь успеха. Я думаю, мама поймет – они ведь всегда и все понимают, потому что желают нам добра.

– Ладно! Что мы все обо мне да обо мне, – сменила тему Клэр и спросила: – Марджори, а что вы так официально оделись? В той передаче по телевизору в джинсах и ветровке вы, честное слово, выглядели гораздо лучше.

– Гостей принимала, а потом так торопилась к вам, что не стала тратить время на переодевание, – объяснила Маргарита, хотя на самом деле у нее и мысли такой не возникло – она считала, что как раз одета соответственно моменту. – А в обычной жизни я предпочитаю удобную одежду.

– А-а-а! – понятливо покивала девушка. – Ну, пойдемте чай пить, и вы расскажете, о чем со мной пошептать хотели.

В гостиной, пока девушка занималась чаем, у Маргариты было время осмотреться, и она поняла, что чистеньким и уютным особнячок выглядел только снаружи – положение обязывает. Внутри же он требовал основательного ремонта, на который явно не хватало денег – вот вам, пусть и дальше, но родство с королевской семьей. Да и слова Клэр о том, сколько денег было потрачено на ее неудачное обучение, говорили о том же. «Неужели и у Бэлси в доме все такое же обветшалое, и от прежнего величия осталось только имя и титул?» – с тоской подумала

мала Маргарита, вспомнив богатое убранство этого великолепного особняка, и ей стало очень грустно.

– О чем вы так тяжело задумались? – увидев ее состояние, спросила Клэр.

– О своих проблемах, которые меня к вам и привели, – ответила она.

– Вот печенье к чаю, угощайтесь! – предложила девушка. – Оно очень вкусное – мама сама пекла.

«То есть, в доме даже прислуги нет, – поняла Маргарита – Нужно было, отправляясь сюда, захватить с собой все оставшиеся пирожные и конфеты, чтобы не являться с пустыми руками, но кто же знал, что эта семья настолько стеснена в средствах?». Печенье оказалось действительно очень вкусным, а чай крепким и душистым. Отдав дань и тому, и другому, она начала:

– Клэр, сегодня, когда у меня в гостях был ваш родственник маркиз Бэлси с сестрой и лорд Кертон с семьей, к нам ворвалась Вики Берлиблэу и...

– Можете не продолжать, – остановила ее Клэр. – Там, где она, всегда скандал, это еще со школы началось.

– Это вы об испорченном платье Джоан Лейкгард? – поинтересовалась Маргарита.

– Знаете, Марджори, на фоне всего остального эта детская шалость даже не заслуживает упоминания, – усмехнулась девушка и начала рассказывать: – Был предпоследний год нашей учебы, когда у нас появилась новая ученица по имени Генриетта, которая настаивала, чтобы мы звали ее только Генри. Вам это ни о чем не говорит? – Маргарита брезгливо скривилась и девушка кивнула: – Вижу, что говорит. До этого она сменила несколько школ, но нигде долго не задерживалась. Ее родители, очень богатые люди, смогли как-то устроить ее к нам. Знаете, когда в подростках бурлят гормоны, они могут толкнуть их на самые непредсказуемые поступки. Если ребенок получил хорошее воспитание и в него заложены твердые моральные устои, это приводит, максимум, к рассматриванию картинок в анатомическом атласе и выискиванию эротических сцен в античной литературе. А вот, если у него дурная кровь и гнилая наследственность, то столь невинным занятием дело не кончится. Короче, очень скоро Вики стала самой близкой подругой Генриетты, они даже жили в одной комнате.

– Простите, Клэр, «дурная кровь и гнилая наследственность» – это вы о Вики? – уточнила Маргарита.

– Да! – прямо ответила девушка и продолжила: – Но не только о ней, потому что через некоторое время к ним присоединились еще несколько девочек. Но и этим дело не кончилось, потому что, как потом оказалось, Генриетта посадила своих подружек на кокаин, который давно употребляла сама. А привозила его ей под видом сестры какая-то «подруга», – язвительно произнесла она. – Вся эта мерзость открылась, когда они ночью, находясь «под кайфом» взломали дверь в бассейн, чтобы поплавать. Одна девочка утонула, и при вскрытии было обнаружено, что она принимала наркотики. После этого стали проверять всех нас и выявили тех, кто употреблял кокаин. Перепуганные девчонки выдали Генриетту без раздумий, да та и не отрицалась. Шум поднимать не стали, родители Генриетты забрали ее из школы и больше я о ней ничего не слышала.

– Только ее одну? – удивилась Маргарита.

– А вы представляете, какой бы поднялся скандал, если бы несколько девочек были не то, что исключены, а просто ушли из школы? – удивилась Клэр. – Тут бы ее репутация понесла такой урон, что проще было бы закрыть ее. А так, только полностью сменили руководство. Но брошенные Генриеттой семена упали на благодатную почву. Компания, вкусившая запретных плодов, не распалась, и место Генриетты заняла Вики, только вести себя они стали гораздо осторожнее и ни разу больше не попались. А кокаин Вики стал привозить ее брат Энтони, который и сам его употребляет.

– Великое небо! Какой кошмар! – воскликнула потрясенная Маргарита – Я даже предположить не могла, что все настолько ужасно. И, судя по намеку Джорджа, окончив школу, Вики стала вести себя только еще хуже. Но откуда это в них?

– Ну, могли пойти в мать. Или в кого-то из ее родственников, – многозначительно ответила девушка, мельком глянув на нее.

Маргарита уже многое знала из воспоминаний Уолтера, а теперь, заглянув в мысли Клэр, поняла, что в подробности семейной жизни Саймона посвящен отнюдь немалый круг совершенно посторонних лиц.

– Ладно! Меня это не касается! Пусть они с братом делают, что хотят! – заявила она, хотя уже решила исправить эту ситуацию самым кардинальным образом. – Меня больше волнует, не отразилась ли их репутация на бизнесе мистера Берлиблэу – он ведь мой опекун и управляет моим состоянием.

– Репутация?! – воскликнула Клэр. – У них нет репутации! У них минус репутация! Я так понимаю, что бульварную прессу вы не читаете?

– Я даже не знаю, что в Англии к ней относится. У меня еще и компьютера пока нет, потому что я всего несколько дней живу в своем доме.

– Ну, тогда пойдёмте ко мне, – предложила Клэр.

Они поднялись на второй этаж, причем, несмотря на бушевавшую в ее душе ярость, Маргарита не могла не заметить, что по сравнению с остальным домом гостиная выглядела еще очень достойно. В своей комнате Клэр села за компьютер, а Маргарита устроилась рядом с ней. Немного поколдовав над клавиатурой, девушка показала на монитор:

– Прошу! Вики и Энтони Берлиблэу во всей красе!

– Да, какое мне до них дело? – с сердцем сказала Маргарита. – Меня интересует бизнес их отца!

– Сейчас найдем, – охотно согласилась Клэр и через пару минут сказала: – Ну, вот последняя статья о Саймоне Берлиблэу. Я не экономист, но, мне кажется, что комплиментов в его адрес там нет.

Маргарита тоже ничего не понимала в банковском деле, но быстро пробежав глазами текст, поняла, что раньше завтрашнего дня ей с Саймоном не стоит встречаться, а то ведь убьет своими руками! Ну, пусть не руками, так мыслью! Лучше сначала немного успокоиться.

– Клэр, посмотрите, как давно это началось – наверное, есть же и другие статьи? Меня интересует, когда появилась самая первая, – попросила Маргарита.

Девушка поискала и удивленно сказала:

– Странно, подобных статей было опубликовано всего две и то только сегодня, а до этого были сплошь дифирамбы.

– Действительно странно, – задумчиво повторила за ней Маргарита и поднялась. – Спасибо вам большое, Клэр. Не буду больше отрывать вас от дел, да и мне теперь, как выяснилось, есть о чем подумать и чем заняться.

Вернувшись домой, Маргарита получила полный отчет от встретившей ее горничной:

– Мисс, мы сообщили мистеру Джонсу, что за ним приедет врач, чтобы отвезти в клинику, где он пройдет полное медицинское обследование, – не без трепета в голосе говорила та. – Он сначала наотрез отказался ехать, говорил, что не может оставить дом без присмотра, но мы ему сказали, что это ваш приказ, и он смирился. Так что, когда пришла машина, он уехал вместе с доктором.

– Хорошо, подавайте обед через полчаса, – приказала проголодавшаяся Маргарита и прошла к себе, чтобы переодеться.

То ли настроение у нее было до того паршивым, что кусок в горло не лез, то ли без Уолтера, как без матери, этот дом стал сиротой, непонятно, но вся еда казалась то безвкусной, то недосоленной, то недожаренной. В общем, чтобы не сорваться на и так перепуганную при-

слугу, которая осторожно наблюдала за ней из дверей, Маргарита, раздраженно бросив нож с вилкой на стол, ушла в кабинет. Она приказала подать себе побольше кофе, и устроилась там с коньяком и сигаретами, чтобы немного успокоить разбушевавшиеся нервы. Черт с ними, Энтони и Вики, но в банке Берлиблеу происходило что-то непонятное, а он ей почему-то ничего об этом не сказал. То, что он мог запустить лапу в ее деньги, ей и в голову не пришло – не самоубийца же он. Но вот то, что он скрывал от нее реальное положение вещей, ей очень не понравилось и сильно нервировало. Она пыталась что-нибудь почитать, чтобы отвлечься и успокоиться, но мысли все равно возвращались к этой истории. Отложив книгу, она стала думать, стоит ли ей сейчас покупать компьютер и автомобиль, и решила, что нет, потому что в Англии она надолго задерживаться не планировала. Покончив с этой проблемой, она позвонила Берлибле, чтобы узнать, все ли у него в порядке, и, как оказалось, сделала это совершенно зря, потому что, едва услышав ее голос, тот тут же встревожился:

– Девочка? Что у тебя случилось? Почему ты говоришь таким тоном? – настойчиво спрашивал он.

– Дядя Гриша! У меня все нормально, – успокаивала она его, но тщетно.

– Родная моя! Ты случайно не забыла, кем я работаю? Если таки да, то напомню – я лучший адвокат этого города! Я фальшь чувствую еще на уровне мысли! Говори, что произошло! Не заставляй меня волноваться – у меня же больное сердце!

– Дядя Гриша! У меня, – выделила она, – все хорошо!

– Значит, что-то случилось с кем-то из наших! – уверенно заявил он и удивился: – Но мне никто ничего не сообщал!

– Потому и не сообщили, что вашу семью это не касается. Это проблемы совершенно чужих людей, – твердо заявила она. – Меня они касаются опосредованно, но все равно неприятно, потому что именно мне придется их решать. Лучше расскажите мне, как вы там живете.

– А что мне сделается? – воскликнул Берлибле. – Работаю! – и смущенно добавил: – Только не сердись, но я иногда ночую в Риточкиной спальне. Ты не возражаешь?

– Конечно, нет! Только почему иногда? Переселяйтесь туда совсем! – охотно и радостно поддержала его она. – Отдыхайте душой, потому что в Москве, как бы мы ни старались, но полностью воспроизвести обстановку в нашем особнячке не получится: там не будет нашего садика, привычной патриархальной тишины на улице, напоенного речной влагой воздуха, да и вид из окна будет другой.

– Ты права, родная, – тихо согласился Берлибле. – Не сочти меня сумасшедшим, но я иногда с Риточкой по вечерам разговариваю, рассказываю ей о своих делах, и порой мне кажется, что она меня слышит.

– Да и я захожу в портретную, чтобы Тетушка могла посмотреть, какой я стала, и убедилась, что не ошиблась во мне, – соврала она. – Как же я соскучилась по вас, дядя Гриша, и, как я хочу вас увидеть! Вы даже представить себе не можете!

– Я тоже соскучился по тебе, девочка, – проникновенно ответил Берлибле. – Ты не думай обо мне и занимайся своими делами, а я тебя здесь подожду.

Отключив телефон, Маргарита откинулась на спинку кресла и вздохнула – ей было стыдно, что она оставила дядю Гришу, единственного родного ей сейчас человека, так надолго одного. Из этого состояния ее вывел негромкий стук в дверь – это мог быть только Уолтер. Старик вошел и остановился возле двери, глядя на нее укоризненным взглядом.

– Уолтер, я надеюсь, вы не сбежали из клиники? – спросила она.

– Я выполнил ваш приказ, ваша светлость, – грустно сказал дворецкий. – Могу ли я спросить, чем была вызвана необходимость тратить на меня такие сумасшедшие деньги, если я вполне сносно себя чувствовал?

– Присядьте, Уолтер, – предложила Маргарита и тот замер, подумав, что ослышался. – Присядьте! – настойчиво повторила она, и дворецкий совсем обалдел. – Приказываю сесть! –

потеряв терпение, рывкнула она и старик, видимо, решив, что хозяйка сошла с ума и лучше ей не перечить, осторожно присел на краешек стула. – Потратила потому, что у меня есть на вас свои виды, – объяснила она и Уолтер окончательно растерялся. – Не беспокойтесь! Ничем плохим это вам не грозит, – успокоила она его. – Просто я хочу, чтобы вы перешли ко мне на работу в качестве домоправителя. Насовсем! С удвоенным против прежнего жалованием! Я не планирую остаться в Великобритании навсегда, но буду наезжать сюда время от времени. Вы же и прислуга, которую вы наберете сами, потому что вам же за нее и отвечать, будете постоянно жить в этом доме. Вы будете следить за всем, чтобы я могла в любой момент приехать сюда действительно, как к себе домой, а не ждать, пока горничные приведут особняк в порядок. И, самое главное, в этом доме никто и никогда не посмеет поднять на вас руку, а также назвать «старым дураком» и «предателем».

На старика стало больно смотреть: с одной стороны, он всегда восхищался Маргаритой, а тут еще и двойное жалование, но с другой – он всю свою жизнь, как и его предки, проработал у Берлиблэу и вот так бросить своего хозяина не мог.

– Уолтер, я ценю вашу преданность господину баронету. Ценю то, что вы при всем своем хорошем отношении ко мне ни звуком не обмолвились о нешуточных проблемах в его семье. Да-да! – покивала она в ответ на его изумленный взгляд. – Я обо всем узнала, причем от совершенно посторонних людей, – это было только частично правдой, потому что большую часть полезной информации она получила как раз от самого Уолтера, да вот только без его ведома. – И я собираюсь вмешаться в эту ситуацию самым решительным образом, потому что она затрагивает уже лично мои интересы. Но мы сейчас не об этом. Так вот, Уолтер, мне кажется, что новая должность будет больше соответствовать вашему возрасту и опыту.

– Ваша светлость, а если окажется, что я серьезно болен, – осторожно спросил дворецкий.

– Вылечу! – беспечно ответила Маргарита. – Вы же знаете, что я умею это делать. Я не тороплю вас с ответом, обдумайте все хорошенько.

– Я подумаю, ваша светлость, – заверил ее Уолтер. – Во сколько прикажете подавать ужин.

– Как только он будет готов, – ответила Маргарита. – И проследите, пожалуйста, чтобы он был съедобным, потому что обед был из рук вон плохой. Его просто невозможно было есть.

Глаза дворецкого гневно сверкнули, он вскочил со стула, как молоденький, выпрямился, возмущенно вздернув голову, пообещал, как поклялся:

– Я прослежу, ваша светлость! – и чуть не выбежал из кабинета.

Неизвестно, какие репрессии он произвел на кухне, но ужин был выше всяких похвал и Маргарита, встав из-за стола, благодарно ему улыбнулась:

– Спасибо, Уолтер! Теперь вы сами понимаете, что я не смогу без вас обойтись, – и старик расцвел от счастья. – Разбудите меня завтра в шесть часов, а завтрак подайте к семи – меня ждет много дел.

Глава 2. Чужих проблем не бывает

Маргарита решила не откладывать разборку с Берлиблэу и провести ее до визита к Бэлси. Поднявшись к себе, она позвонила банкиру:

– Саймон! Не уезжайте завтра в банк, не дождавись меня – нам надо поговорить.

– Да, нам действительно нужно поговорить, – ответил он довольно напряженным голосом.

«А-а-а! Знает кошка, чье мясо съела!», – злорадно подумала Маргарита, но следующие слова Саймона очень удивили уже ее, потому что он сказал:

– Но будет гораздо лучше, если я сейчас сам к вам приеду. Не возражаете?

– Я теперь для вашего дома персона нон-грата? – нехорошим тоном поинтересовалась она.

– Нет, конечно, только здесь нам не дадут спокойно поговорить, а тема очень серьезная, – объяснил он.

– Вы меня заинтриговали, – сказала, насторожившись, Маргарита. – Полагаю, речь пойдет о вашем бизнесе?

– К сожалению, да, но все подробности при встрече.

– Жду вас с большим нетерпением, – сказала она.

Чтобы не мучить себя бесполезными мыслями из-за полного отсутствия новой информации и чем-то себя занять, Маргарита принялась обдумывать свой внешний вид и одежду на следующий день – все-таки герцогу Бэлси собралась нанести визит, а не в соседний магазин за хлебом сбегать, и, приготовив все необходимое, спустилась вниз. Уолтер, как всегда, был на посту – раз она не легла спать, то и ему не положено.

– Мистер Джонс, – сказала она дворецкому, решив, что в присутствии посторонних теперь будет всегда так нему обращаться. – Я жду господина баронета. Как только он приедет, проводите его в кабинет.

– Ваша светлость, я в чем-то провинился? – растерялся старик. – За что вы со мной так официально?

– Нет, просто, обращаясь к вам так, я хочу повисить ваш авторитет в глазах прислуги, – объяснила она.

– Ваша светлость, да разве же он зависит от того, как к человеку обращаются? – позволил себе улыбнуться Уолтер. – Он зависит от того, как с человеком обращаются. А вы относитесь ко мне так заботливо, что я одним этим вызываю уважение прислуги.

– Какой же вы мудрый человек, Уолтер, – с огромным уважением сказала ему она.

– Я просто старый, ваша светлость, – с грустной улыбкой объяснил он и вернулся к прозе жизни. – Прикажете что-нибудь подать туда?

– Нет, напитки там есть, – покачала головой она. – Распорядитесь, чтобы туда принесли большой кофейник с кофе, а, если что-то еще потребуется, я вас позову.

Ждать ей долго не пришлось, она даже первую чашку не успела дотопить. Саймон вошел к ней без доклада, а это могло значить только одно: старый дворецкий, знавший баронета всю жизнь, с первого взгляда понял, какие серьезные проблемы привели сюда Берлиблэу, вот и не стал его задерживать. Да и Маргарита, едва взглянув на каменное лицо Саймона, увидела, что слово «неприятности» в данном случае даже малейшим образом не отражает истинное положение дел. Жестом пригласив его присесть в кресло, она спросила:

– Саймон, вам не кажется, что Вики остро нуждается в самой неотложной психиатрической помощи? Иначе говоря, по ней сумасшедший дом плачет!

– Марджори! Я приношу вам свои самые глубокие и искренние извинения за ее безобразное поведение в вашем доме, – виноватым голосом произнес он.

– Нет, Саймон! – жестко сказала Маргарита. – Ей придется извиниться самой! Причем, не только передо мной, но и перед Уолтером, которого она, чтобы прорваться в гостиную, отшвырнула в сторону так, что он упал и разбил себе голову в кровь. А еще она назвала его «старым дураком» и «предателем». Я не знаю, что вы позволяете этой наркоманке делать в своем доме, может быть, она там, вообще, горничных по щекам хлещет, хотя, насколько мне известно, у Берлиблота даже в далеком прошлом это принято не было, но в своем доме правила устанавливаю я. И пусть эта распутная дрянь молит бога, что у меня были гости, а то я пришибла бы ее на месте! – и язвительно поинтересовалась: – И какая же муха ее укусила, что она, как с цепи, сорвалась? Или у нее кончились деньги на кокаин?

– Как я понял из весьма эмоционального рассказа Мирры, после того, как вы уехали, Вики решила найти Кертона и узнала как-то, что он вылетел в Неаполь, – стараясь выглядеть спокойным, говорил он. – Тогда она, собираясь отправиться вслед за ним, позвонила жене Марко и попросила выяснить, где он остановился. Джина узнала, но прежде, чем звонить ей, отправилась на него посмотреть – у них же с Марко две еще незамужние дочери, а тут холостой английский лорд появился. И она увидела его с очень красивой блондинкой, которая жила в этом же отеле. Ей было нетрудно выяснить ваше имя, потом она понаблюдала за тем, как вы с Кертоном вместе входите и выходите из отеля, а уж после того, как вы к Марко в банк вдвоем приходили, она окончательно решила, что у вас роман. Вики она ничего говорить не стала и рассказала все Мирре, а та сочла за благо промолчать, чтобы не волновать дочь. Не дождав-шись новостей от Джини, Вики позвонила ей сама, и та ей все повторила. Вики устроила дикий скандал матери, за то, что та ей ничего не сообщила, а потом бросилась к вам. Счастье великое, что все это произошло уже после того, как вы встретились с Бэлси и Бенсоном, а то Вики могла бы и в кабинет ко мне ворваться – она совершенно неуправляемая.

– Поня-я-ятно! – зловеще протянула Маргарита. – Видимо, я действительно слишком долго отсутствовала и все успели напрочь забыть мой характер. Ну, так мне и напомнить нетрудно!

Она достала телефон, набрала номер Берлиблотти и, поставив сотовый на громкую связь, положила его на стол. Из-за разницы во времени Марко ответил ей уже заспанным голосом.

– Сеньор Берлиблотти! У меня возник к вам один вопрос срочного характера: с каких пор моя скромная персона и мои поступки являются предметом обсуждения за вечерним чаем в вашей семье? – гневно спросила она.

Судя по тому, как Марко тут же испуганно воскликнул:

– Маргарита! В чем дело? Я ничего не понимаю! – ее слова, а, главное, тон взбудрили его так, что сон мигом выветрился из его головы.

– То, что вы сказали жене о приезде некоей синьорины Королева, понятно – вы же думали, что я остановлюсь у вас, но остальное? Зачем вы сказали ей, что я приходила к вам с Кертоном? Или вы делитесь с женой секретами всех своих клиентов в подробностях? Может быть, вы и обо мне рассказали ей много лишнего? Какого черта Джина не только следила за мной, но еще и, нафантазив, черте что, поделилась своими гнусными измышлениями с Миррой и Вики?

– Маргарита! – пролепетал ошеломленный Марко. – Пресвятой Девой Марией клянусь, что я ей не говорил ничего такого! Просто сказал, что из Англии, чтобы посмотреть Неаполь, придет девушка, опекуном которой является Саймон, и на несколько дней остановится у нас. И это все! Я даже имя ваше не называл! Я представления не имею, что Джина могла натворить и наговорить Вики! Да, они дружат и часто болтают по скайпу...

– Больше не будут! – твердо заверила его Маргарита. – Чтобы у вашей жены язык отсох! – совершенно сознательно пожелала она. – И можете не благодарить! Я и сама знаю, что немая жена – затаенная мечта каждого мужа! У меня все!

Маргарита отключила телефон и закурила, а Берлибблоу осторожно спросил:

– Может быть, не стоило так уж лютовать?

– Лютовать?! – взвилась она. – Да я еще и не начинала! Одна идиотка без всяких к тому оснований распускает сплетни, а другая, поверив им, бросается ко мне выяснять отношения! Мы с Кертоном друзья и не более того! Скажу больше, я собираюсь устроить личную жизнь его и Джоан! А, поскольку Вики явно невменяемая, она наверняка успела поделиться своим «горем», – издевательским тоном выговорила она, – со всеми подряд и этим может нарушить мои планы.

– Не думаю – у нее на это просто не было времени. Вернувшись от вас, она заперлась у себя в комнате, громила там все подряд, билась в истерике, а Мирра вторила ей под дверью в коридоре. Потом Вики напилась и в голос проклинала вас и Кертона, и Энтони забрал ее в свою квартиру, где решил устроить вечеринку, чтобы она немного отвлеклась. А, поскольку без наркотиков там не обходится, то она окончательно отключилась уже через пять минут, – устало объяснил Берлибблоу.

– А Мирра, получив свободу действий, бросилась скандалить к вам. Поэтому вы и сказали, что нам не дадут спокойно поговорить, – сделала вывод Маргарита, на что Берлибблоу только вздохнул. – Саймон, я искренне сочувствую вашему горю, но скажите, на что вы надеялись? Что ваши проблемы пройдут сами собой? Так, это не насморк! На то, что я ничего не узнаю? Это просто глупо! Да, у меня не было времени и возможности внимательно приглядеться к этим ублюдкам, потому что в мае, как и сейчас, мне было не до них. Но почему я должна узнавать все от посторонних людей? Какого черта вы вовремя не обратились ко мне за помощью? Советского Союза уже не было, проблем с выездом за границу – никаких! Да я была бы у вас уже на следующий день и урегулировала ситуацию!

– О чем вы, Марджори? – сделал вид, что удивился, Берлибблоу.

– Не притворяйтесь! – поморщилась она. – Вы все прекрасно поняли! Это уже не ваша тайна, а секрет Полишинеля, который знает весь Лондон.

– О, боже! – хватаясь за голову, простонал он. – Еще и это! Нет, все это вместе и сразу я уже не переживу!

– Переживете! – успокоила его Маргарита. – Перечитайте Дюма! Помните, что говорил банкир Данглар? «Я принадлежу своему капиталу». От себя добавлю, что и капиталам своих клиентов, которые банкир обязан защищать, как и свой собственный, если он настоящий банкир. В свое время вы сделали большую глупость и заплатились за нее, как честью своего имени, так и здоровьем близких.

– Вы и это знаете? – горько усмехнулся Саймон.

– Как и все остальное, – подтвердила Маргарита. – Но кто сказал, что вы должны страдать до конца своих дней? Мне кажется, что годами позора и страданий вы сполна искупили свою вину, а, точнее, глупость. Теперь, когда вы знаете, что столь тщательно оберегаемой вами тайны больше не существует, пора положить этому конец. Только не могу понять, зачем вам надо было, чтобы я сблизилась с Энтони и Вики?

– Я надеялся, что вы сможете как-то на них повлиять, – вздохнул Берлибблоу.

– На них невозможно повлиять даже мне, потому что многолетнее употребление наркотиков разрушает психику безвозвратно. Они уже невменяемые и никогда не станут снова нормальными людьми. Хватит, Саймон! – гневно воскликнула она, с такой силой ткнув окурком в пепельницу, что та слетала на пол. – Терять вам нечего, так перестаньте вести себя по отношению ко всем этим сволочам, как тряпка! Наведите, наконец, порядок в своем доме, а я вам в этом помогу!

Поднявшись, она вернула пепельницу на место и даже выпавший окурочек подобрала, а потом снова села, долила себе кофе, закурила и, немного успокоившись, спросила:

– Что происходит у вас в банке? Как вы понимаете, меня интересуют мои деньги.

– В целостности и сохранности, как и деньги остальных клиентов, так что можете не волноваться, мой банк устойчив, как всегда, – заверил ее Саймон.

– Тогда какого черта вас вдруг начали крыть в Интернете последними словами? – удивилась она.

– И в газетах тоже, – добавил он. – Эти заказные статьи – просто средство давления на меня. Марджори, вы не специалист и не могли уловить нюансы: критикуют в них именно меня и мой старомодный стиль управления бизнесом, но вы не найдете там ни одного плохого слова о самом банке, ни малейших сомнений в его надежности. Им ведь нужно, чтобы у моего банка оставалась кристальная репутация.

– Кому «им»? – требовательно спросила Маргарита. – Кому нужны эти статьи? Кому вдруг потребовалось давить на вас?

Берлиблону достал из своего портфеля папку и протянул ей:

– Посмотрите и вы все поймете.

– Давайте не будем тратить время на политес, – предложила она. – Что где находится, вы знаете, так что наливайте себе сами – я чувствую, что без хорошей порции коньяка нам себе нервы не успокоить, а, значит, и не разобраться во всей этой истории. Если вам вдруг что-то потребуется, то вызывайте Уолтера без малейшего стеснения.

Маргарита начала просматривать документы и с притворным восхищением воскликнула:

– Саймон! Вы начали пользоваться большой популярностью в определенных кругах! Сначала была неаполитанская каморра! Теперь колумбийская наркомафия!

Но, чем дальше она читала, тем больше портилось у нее настроение и более крепкие выражения вырывались. Наконец, закончив, она со злости шарахнула папкой по столу, вскочила с кресла и, подойдя к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. «Великое небо! – думала она. – Куда ни ткнись – получишь привет из прошлого!». Притихший в кресле Саймон ждал, пока она переберется, и, когда она, наконец, вернулась на место, вопрошающе посмотрел на нее. Но она просто отмахнулась, налила себе хорошую порцию коньяка, махом выпила ее, закурила и только после этого потребовала:

– А теперь давайте все в самых мельчайших подробностях!

– Хорошо, в среду в мой кабинет в банке пришел Энтони и сказал, что один его знакомый хочет стать нашим клиентом и уже ждет в приемной встречи со мной. Сказать, что я удивился, значит промолчать – знакомые Энтони по определению не могут быть настолько богаты, чтобы открыть счет в моем банке. Естественно, я отказал ему. Но он очень меня просил, даже умолял, чуть не плакал, и я согласился поговорить с этим неожиданным визитером единственно, чтобы отвязаться от Энтони. Едва тот вошел, я сразу понял, что дело неладно – я потомственный банкир и могу с первого взгляда отличить порядочного человека от проходимца. Это был латинос, одетый очень дорого, но настолько пестро и безвкусно, что просто в глазах рябило, – презрительно произнес Берлиблону. – Золотые кольца невероятных размеров на пальцах и все остальное. А его язык?! Впечатление было такое, что у него горячая каша во рту! Я его едва понимал.

– Так, испортив английский язык, американцы решили, что создали свой собственный, – заметила она. – А уж, когда на нем начинают говорить иностранцы!..

– Моим первым желанием было выгнать его вон. Служба охраны в моем банке всегда была на высоте, так что стоило мне нажать на кнопку и его бы вынесли из здания на пинках. Но... – Он замолчал, поднялся и, расхаживая по комнате, подбирая слова, а потом сказал: – Знаете, есть люди, которые излучают смертельную опасность. Этот тип был именно таким. Для него убить человека проще, чем плюнуть. Нет, он был вежлив, представился, дал мне свою визитную карточку: Диего Карлос Санчес – имя, конечно, вымышленное. Он сразу перешел к сути дела и сказал, что, являясь посредником, ведет переговоры в пользу своего доверителя, имя которого он считает преждевременным называть. Этот доверитель хочет открыть у меня

счет... Марджори! – Саймон повернулся к ней. – Он назвал астрономическую сумму! Причем уточнил, что деньги будут внесены наличными! Да! У меня нет просто богатых клиентов! Все мои клиенты очень богатые люди, но я знаю историю каждого состояния! Я знаю, откуда оно взялось, и никогда в жизни не имел дел с грязными деньгами. А вот у этого доверителя, судя по такому посреднику, они могут быть только такими.

– Вы ему, естественно, отказали? – спросила Маргарита.

– Не напрямую. Я сказал, что буду счастлив иметь среди своих клиентов такого состоятельного господина, но только в том случае, если его состояние приобретено легальным путем, для чего мне потребуется документальное подтверждение. Мой ответ его, конечно же, не устроил, но он и виду не подал, а очень настойчиво попросил меня хорошенько подумать над предложением, добавив, что окончательный ответ он будет ждать от меня в понедельник, для чего мне нужно будет просто позвонить по указанному на визитке номеру телефона. Уходя же, он поинтересовался здоровьем Деборы и так на меня посмотрел, что мороз пошел по коже.

Берлиблэу вернулся в кресло и обхватил себя за плечи так, словно ему было очень холодно.

– Где девочка? – быстро спросила Маргарита.

– В безопасности, – успокоил ее Саймон и продолжил: – Когда Санчес вышел из кабинета, я спросил у Энтони, откуда он знает этого мерзавца. Как оказалось, он в тот день сам увидел его в первый раз, а организовать эту встречу со мной его попросил один друг, которому он ни в коем случае не мог отказать – лорд Райн.

– Великое небо! А ведь его предки были порядочными людьми! – воскликнула она.

– Марджори! В высшем свете есть серьезные молодые люди, но о них никто не знает, потому что они не дают повода к скандальным публикациям, а иные в наше время читателей не интересуют, соответственно и в газетах их имена упоминаются только в колонке светской хроники, в заметках о помолвках или свадьбах. И судят об аристократии по так называемой «золотой молодежи», нравственность которой даже не упала, а исчезла совсем. Они постоянно мелькают на страницах бульварных газет, их снимками пестрит Интернет, люди смотрят на них и думают, что все высшее общество Англии именно такое. Так что на фоне других отпрысков весьма уважаемых людей Энтони и Вики ничем не выделяются. Я попытался, было, приструнить Энтони, купил ему отдельную квартиру, лишил карманных денег и принял на работу в банк рядовым клерком, чтобы он жил на зарплату и прошел весь путь с самого низа, как когда-то я. Наивный! – с горечью усмехнулся он. – Я решил, что это его как-то дисциплинирует, а за ним и Вики, потому что она во всем ему подражает. Если бы я только знал, чем закончится эта затея!

– Я уже поняла, что ничем хорошим, но, что именно случилось? – поинтересовалась Маргарита.

– Началась утечка конфиденциальной информации, несерьезной, но все равно неприятно. Следы привели к нему. Господи, страшно подумать, что могло случиться, если бы я уступил просьбам Мирры и поставил его на более ответственную должность, – покачал головой Берлиблэу. – В тот же день я уволил Энтони из банка, а дома в кабинете мне установили «глушилку», которую я включаю каждый раз, когда туда вхожу, потому что от этого поддонка можно ждать, чего угодно.

– Надеюсь, вы ему высказали все, что о нем думаете? – гневно спросила она.

– Зачем? Это же бесполезно, – нервно рассмеялся он. – У них нет ни стыда, ни чести, ни совести. Я просто махнул рукой – будь, что будет! У меня нет больше сил воевать на два фронта – банк постоянно расширяется, появляются новые филиалы, новое поле для деятельности. Я готов согласиться с тем, что у меня несколько старомодный стиль ведения дел, может быть, я излишне осторожен и избегаю риска, но за все то время, что я возглавляю банк, никто из моих клиентов не потерял ни пенни их своих денег.

– Ладно, мы отвлеклись, – сказала Маргарита, еще раз утвердившись в решении жестко разобраться с этими двумя подонками. – Как я понимаю, в полицию вы не обратились, потому что это же Энтони привел к вам Санчеса. Что было дальше?

– Когда Энтони ушел, я тут же вызвал к себе начальника службы безопасности и приказал срочно сделать мне копии записей с камер видеонаблюдения, расположенных по всему пути от гостевой стоянки нашего банка до приемной. Получив их, я вышел через потайной ход... Ну, вы знаете, о чем я говорю.

– Конечно, – кивнула Маргарита. – Ведь ваш кабинет находится в самой старой части здания, построенной, если мне память не изменяет, еще в начале семнадцатого века, а вот все остальное постепенно пристраивалось к нему потом.

– И в инкассаторской машине, чтобы не привлекать внимания, поехал к Шифману, – продолжил Берлибблоу. – Отдал ему записи и визитку, на которой был не только номер телефона, но отпечатки пальцев этого Санчеса, и попросил выяснить о нем самом и его хозяине все, что возможно и невозможно в самые кратчайшие сроки. Оттуда я с одной из его сотрудниц поехал домой и объяснил Деборе, что мне и ей угрожает большая опасность и поэтому ей надо будет поехать с этой женщиной.

– И Доба не возражала? – удивилась Маргарита.

– Она папина дочка! – с гордостью произнес Берлибблоу. – Она знает, как я ее люблю и безусловно верит мне: раз папа сказал, что так надо, значит, так надо.

– А как отнеслась к этому Мирра? Неужели не возражала? – удивилась она.

– Мирра до сих пор не знает, что Деборы нет в доме – она слишком занята Вики, – криво усмехнулся Саймон и поправился: – Хотя, сейчас, может быть, уже узнала.

– Самое главное, что девочка в безопасности, а с остальным мы справимся, – с большим облегчением произнесла она и тут же возмутилась: – Почему вы сразу ничего не сообщили мне о Санчесе?

– А что я в тот момент мог бы вам сказать? Назвать фальшивое имя? – хмыкнул Берлибблоу. – Шифман привлек кучу людей и все они работали круглосуточно, а результат этого вы только что прочли. Я и сам получил полный отчет только сегодня днем. Честно говоря, узнав о том, что тут произошло, я даже засомневался, обращаться ли мне к вам.

– Глулости! – возмутилась Маргарита. – Что за чушь вы несете? Какое отношение имеют эти законченные подонки к нашим давним и добрым отношениям? Ни малейшего! И разбираться я буду с ними, а не с вами, потому что вы и сами в этом деле – пострадавшая сторона, и в том, что они такими выросли, нет ни капли вашей вины! – видя, как потупился Саймон, она уже спокойнее спросила: – Что еще вы предприняли?

– Во-первых, я теперь, выходя на улицу, надеваю кевлар, хотя от взрыва машины он, конечно, не спасет. А, во-вторых, я изменил завещание, сделав Дебору единственной наследницей, а опекуном назначил Иосифа, – обреченным тоном перечислил Саймон. – Берлибберам не раз приходилось защищать свои капиталы, опыт есть, так что я в них не сомневаюсь.

– Ну, да, Мэри же дали не только приданое, но и выделили ее часть наследства, когда она выходила замуж, – вспомнила Маргарита. – Разумная предусмотрительность никогда не мешает, но подождите себя хоронить, – попросила его она.

Поднявшись из кресла, она начала расхаживать по кабинету, перебирая в уме все возможные выходы из этой ситуации, а Берлибблоу наблюдал за ней, нервно покусывая губу. «Что же делать? Пожелать, чтобы Хавьер Коррадо, хозяин Санчеса, умер? – думала Маргарита. – Да, кольцо Крейлара его убьет, но что дальше? У него куча родственников и подручных, которые продолжают его дело. Что же тогда? Убивать их всех? Нет, на массовое убийство я не способна. Значит, нужно искать другой выход».

И Маргарита его нашла! Самый простой и наилучший! Она отчетливо помнила каждый день, проведенный тогда в Колумбии, и не боялась что-то перепутать, так что вполне можно

было сыграть на их общих с Коррадо воспоминаниях. Тщательно взвесив все «за» и «против», Маргарита решила рискнуть и сказала:

– Итак, Саймон, вариантов три. Первый: вы соглашаетесь.

– Ни-ког-да! – резко ответил Берлибблоу. – Это именно тот случай, когда говорят: «Кого-то увяз – всей птичке конец!».

– Вообще-то, я рассуждала гипотетически, – заметила она. – Вариант два: вы отказываетесь. Поскольку об изменении вами завещания никто не знает, их план просчитать несложно. Вам устраивают какой-нибудь не вызывающий подозрений несчастный случай, чтобы ваш бизнес унаследовал Энтони – фигура для них во всех отношениях удобная. Ему предоставляют неограниченное количество кокаина, выплачивают приличную сумму на расходы – уж эти затраты они как-нибудь переживут, и он ни во что не вмешивается, а фактически делами в банке заправляет уже их человек. Они женят Энтони на доверенной девке, а, когда он подыхает от наркотиков, она наследует уже ему и банк окончательно у них в руках. Что можно этому противопоставить. Предположим, чтобы наркоторговцы поняли, что ничего не выиграют от вашей смерти, вы завтра же объявляете семье, что изменили завещание, и они после вашей смерти ничего не получают – скандал оставляем за скобками. Энтони пожалуется Райну, который в этой истории точно замазан, тот доложит по цепочке и убивать вас станет нецелесообразным, потому что вы наверняка все предусмотрели и оспорить ваше завещание невозможно, сколько бы они ни старались.

– Да, вместе с завещанием находятся некоторые документы, которые не позволят это сделать, – подтвердил Саймон. – Но ведь могут убить просто из мести.

– Могут! – согласилась Маргарита. – Колумбийцы – народ горячий, да и наркоторговля с кротостью характера как-то не вяжется. Они считали, что дело в шляпе, а тут такой облом. Полагаю, что жизни на пороховой бочке вы себе и Деборе не желаете?

– Странный вопрос, – хмыкнул Берлибблоу.

– Саймон, я когда-нибудь по собственной инициативе вмешивалась в семейные дела кого-то из ваших многочисленных родственников? – спросила Маргарита, и тот покачал головой. – Правильно! Никогда! А теперь вопрос стоит следующим образом: я вытащу вас из этой истории без малейших потерь, но взамен вы железной рукой наведете порядок в своей семье. Согласны?

– Уж, если я был готов к смерти, то стоит ли говорить о такой ерунде, – серьезно ответил он.

– Тогда у нас остается вариант три: они сами отзывают свое предложение, – просто сказала Маргарита. – Саймон! Представления не имею, как и когда вы будете это делать, но мне срочно нужен абсолютно «чистый» телефон, от которого к вам не приведут никакие следы. Даже малейшего намека на какую бы то ни было связь быть не должно. Я буду звонить людям, даже разговор с которыми скомпрометирует вас окончательно и бесповоротно до конца ваших дней. Я, конечно, понимаю, что время уже позднее, но к завтрашнему утру он у меня должен быть.

Берлибблоу тут же достал из кармана сотовый и протянул ей.

– Можете звонить с этого. Я его держу для очень специальных разговоров, и он никак не связан со мной.

Взяв телефон, Маргарита немного посидела, настраивая на нужный лад, нашла в документах номер телефона Санчеса и набрала его. Когда ей ответили, она по-испански сказала приказным тоном:

– Санчес, немедленно свяжись со своим хозяином! Передай, что с ним хочет говорить женщина, которую он когда-то звал Гритой, а она его – Веро, – но вот голос ее звучал хриловато, расслабленно и чуть надтреснуто, как у древней старухи.

– Кто вы? – быстро спросил он.

– Неважно, пусть он просто позвонит по номеру, который у тебя высветился. Я жду! – жестко сказала она и отключила телефон.

– Что с вашим голосом? – удивленно спросил Берлибблоу.

– Так надо! – кратко ответила она и не стала пускаться в подробности.

Она сидела, курила, потягивала коньяк и настраивалась на предстоящий разговор, а Берлибблоу тоже, молча, сидел, искоса поглядывая на нее. Звонок раздался только через двадцать минут. Невольно вздрогнув, Берлибблоу схватил сотовый первым. Посмотрев на номер, он облегченно вздохнул – видимо, тот был незнаком ему, и передал телефон Маргарите. Она, чуть помедлив, включила его и спокойно ответила по-испански старческим голосом:

– Здравствуй, Веро!

– Кто ты? – на этом же языке требовательно спросил властный голос и, судя по звуку, тот сотовый тоже был включен на громкую связь. – Только не говори, что Грита – она, наверняка, давно умерла, если ни разу не дала о себе знать.

– Я жива и могу это доказать. Спроси меня о том, что знаем только мы двое, – предложила она.

– Все это ты могла узнать у настоящей Гриты, – возразил он, но все-таки потребовал: – Скажи, как мы обращались друг к другу.

– В Колумбии у меня был датский паспорт, но ты не мог выговорить имя Маргрете, и звал меня Гритой. Отец звал тебя Хави, его друзья – Хавьером, а я – Веро. Твоего отца, Луиса Сольвано, я звала Луи, а он меня – Ритой.

– А как он тебя звал наедине? – спросил Хавьер.

– Колдунья, – не задумываясь, ответила Маргарита.

– А, как я тебя никогда не называл? – не унимался он.

– Мамой. Ты только один раз назвал меня так после того, как я вылечила тебя от лихорадки, но отец шлепнул тебя по губам и сказал, что мама у человека может быть только одна.

– Ладно! Тогда скажи, о чем я ни в коем случае не мог знать, но чисто случайно узнал, – попросил он.

– Ты задал мне трудный вопрос, Веро, – усмехнулась она. – Таких вещей было довольно много – тебе ведь было всего пять лет, и мы не говорили при тебе о бизнесе.

– Это его не касалось, – уточнил он.

Маргарита вспоминала минут пять, а потом воскликнула:

– Я поняла, о чем ты! Ах ты, безобразник! Мы думали, что ты спишь, а ты подсматривал за нами и подслушивал!

– Это было только один раз и произошло на самом деле случайно, – поправил он ее.

– Да, действительно, этот разговор был у нас с твоим отцом только один раз, – вздохнула она. – Луи хотел, чтобы я родила ему дочку, которую он назовет Алисия в память о твоей матери. Я спросила у него, а как он назовет сына, если родится мальчик, и он сказал: Алисио. Я заметила, что это слишком женственное имя для мальчика...

– И тогда он тебя ударил! – закончил за нее Веро. – А ты даже не вскрикнула, чтобы не разбудить меня.

– Он? Меня? Ударил? – хрипло расхохоталась Маргарита и тут же надрывно закашлялась. – Веро! Меня оскорбляет твоя недоверчивость! – сказала она, отдышавшись. – Великое небо! Он – меня! Да, однажды в самом начале он на меня замахнулся. Просто замахнулся! И тут же кубарем вылетел в дверь, снеся ее с петель! А потом целую неделю ходил в синяках и хромал, потому что подвернул себе лодыжку. А я привязывала к ней травы, чтобы опухоль спала! А ты говоришь: ударил! Но вот ругались мы постоянно, что было, то было.

– Этого не было! – гневно воскликнул Хавьер.

– А ты-то откуда можешь об этом знать, если в тот день увязался с Хуаном и Педро в индейскую деревню? – удивилась она. – А, когда ты вернулся, тебе сказали, что Луи и Антонио в шутку боролись, вот твой отец и пострадал.

– Почему же мне не сказали правду? – возмутился он.

– Я запретила, потому что сын должен считать своего отца самым сильным, умным и удачливым, чтобы гордиться им. А, как можно гордиться тем, кого победила женщина? – объяснила она. – А той ночью я ответила твоему отцу, что у нас разные цели в жизни: ему нужно было набрать столько денег, чтобы потом жить, ни в чем не нуждаюсь, и дать тебе образование, а меня оседлая жизнь не прельщала, мне нужны только приключения, так что мы с ним временные попутчики. Ты именно этот наш разговор имел в виду?

Но Коррадо ей ничего не ответил, а снова спросил:

– А какую колыбельную ты мне пела?

– Я никогда не знала ни одной колыбельной, а тебе пела на испанском языке «Adios, madrecita», которую потом переделали в «Rio-Rita» – она тогда была очень популярна.

– Напой ее сейчас, – попросил он.

– Ты слишком много от меня хочешь, – хрипло рассмеялась Маргарита. – Голос у меня теперь совсем не тот, что раньше, но я попробую, – пообещала она и негромко запела:

Adios! Adios, ooh, madrecita, adios!

Por que te fuistes lejos quien sabe

Si bolberia aberte

Aqui donde tu me dejastes

И вдруг она услышала какой-то хриплый кашель и поняла, что Хавьер зарыдал.

– Грита! Ну, почему ты тогда ушла и никогда больше не вернулась? – прерывающимся голосом спросил он. – Я так тебя ждал! Я так по тебе скучал!

– Малыш! Разве я тебе это обещала? Вспомни, что я тебе сказала на прощанье! Может быть, когда-нибудь мы с тобой встретимся, – ласковым тоном напомнила Маргарита. – Но наши жизни сложились так, как сложились. Ты прости, что я назвала тебя «малыш» – твой отец запретил мне это, потому что так тебя называла Алисия, и больше это никому не позволялось.

– Да, я помню, – печально сказал Хавьер. – А мне так этого хотелось!

– Тогда я хоть сейчас буду тебя так называть. Подумай, малыш, как я могла остаться, если меня искала полиция. Я и так страшно рисковала, задержавшись у Кончиты, чтобы вылечить тебя, и ушла сразу же после того, как ты выздоровел. Причем, Кончита с Родриго тоже рисковали, давая мне приют – ведь, если бы на меня донес кто-нибудь из их соседей, арестовали бы всех. Я велела Кончите хорошенько заботиться о тебе, надеюсь, так и было. А еще я отдала ей почти все деньги, чтобы вы хотя бы некоторое время не испытывали нужды, оставив себе ровно столько, чтобы хватило заплатить контрабандистам и выбраться из страны, а потом я уехала в Европу, домой.

– Да, тетя любила меня так же, как и своих детей – я же все-таки был сыном ее родной сестры. Но почему ты потом за мной не вернулась и не забрала с собой? – с обидой спросил он.

– У меня была очень беспокойная жизнь. Ну, как я могла вовлекать в свои авантюры ребенка? Ведь, если бы со мной что-то случилось, ты бы остался один на чужбине и попал в приют. А так ты вырос среди своих близких, на родине. Но я всегда помнила о тебе, поверь мне.

– Как же ты меня сейчас нашла? – спросил он.

– Не буду врать – это произошло случайно, – ответила Маргарита. – Дело в том, что ты отправил в Англию одного человека, чтобы он решил некоторые твои проблемы. И вышло так, что он пришел именно к моему банкиру. Тот, естественно, обратился за помощью ко мне. Моим людям пришлось немало потрудиться, чтобы выяснить, кто стоит за твоим посыльным. И вот, когда я прочитала, что у некоего Хавьера Коррадо дочь зовут Грита, а старшего сына –

Веро, я поняла, что это ты – ведь фамилия Кончиты по мужу была именно Коррадо, и дала она ее тебе потому, что фамилия Сольвано была слишком хорошо известна полиции. Малыш! Как говорит твой отец: «Человек не всегда может сам распорядиться своей судьбой, порой за него все решает жизнь», поэтому я не осуждаю тебя за то, чем ты занимаешься. Да и какое у меня на это право, если сама не лучше? Но я не хочу, чтобы мой банкир участвовал в твоих делах.

– Забудь! К нему никто не приходил, и никакого разговора не было! – твердо заявил Хавьер.

– Значит, он может жить спокойно? Ему и его дочери никто больше не будет угрожать? – уточнила Маргарита.

– Я же сказал: забудь! – повторил он и предложил: – Грита! Приезжай ко мне! Я пришло за тобой самолет в любую точку земного шара! Клянусь спасением своей души, что в моем доме тебя будут почитать, как святую!

– Не стоит, малыш! – грустно сказала она. – Я хочу остаться в твоей памяти молодой и красивой, а не дряхлой и больной старухой – годы не были милостивы ко мне. Мне не так уж много осталось и умереть я хочу на родной земле, к тому же перелет я просто не перенесу. Да и тебя я хочу запомнить смуглым смышленным мальчуганом, которого учила читать и писать. Скажи, как ты распорядился содержимым той коробки, что я спрятала? Я велела тебе вернуться за ней, когда ты вырастешь, чтобы у тебя были деньги на учебу. Ты нашел ее? Ты получил образование?

– Нашел, Грита, но распорядился этими вещами по-другому.

– Жаль! Ведь именно ради этого твои родители отправились в Музо, где умерла твоя мама, а мы с твоим отцом рисковали жизнью, – вздохнула Маргарита и неожиданно спросила: – Луи, почему же ты не осуществил свою мечту и Веро не стал юристом или врачом?

Маргарита не могла видеть, что происходило в далекой Колумбии, но, судя по повисшему в телефоне молчанию, ее собеседник был в явном замешательстве.

– С кем ты сейчас говорила, Грита? – наконец, спросил он.

– С твоим отцом, который сидит рядом с тобой, – спокойно ответила она. – Малыш! У меня нет сил, чтобы встать с кровати, но соображаю я ничуть не хуже, чем в молодости. Суди сам, тебе тогда было всего пять лет. Да, ты мог запомнить особо трагичные моменты своей жизни, но не смог бы удерживать в своей голове мельчайшие подробности столько времени. Тем более мой голос. Ты для того и поставил сотовый на громкую связь, чтобы его услышал тот, кто наверняка помнит. А кого ты мог за двадцать минут пригласить в свой дом? Никого! Значит, этот кто-то живет вместе с тобой. Услышав от Санчеса, что тебя ищет какая-то Грита, ты посоветовался с отцом, и вы решили проверить, я ли это на самом деле. Ну, что, Луи? Убедился?

– Да, колдунья, это ты, – раздался старческий, но все еще довольно бодрый голос. – Прости меня за то, что тогда не поверил тебе. Нас действительно выдал Антонио. Оказывается, он всю жизнь завидовал мне, а со временем эта зависть переросла в лютую ненависть.

– Проси прощения не у меня, а у тех, кто тогда погиб! – гневно оборвала она его. – Я говорила тебе, что ему нельзя верить, но ты был упрямым, как сто чертей! Ты и мысли не допускал, что твой друг детства может стать предателем! – она закашлялась, а потом, отдышавшись, спросила: – Кто-нибудь еще выжил?

– Педро с Альваро. Нас, ранеными, захватила полиция, потом был суд и каждый из нас получил максимальный срок, – ответил он. – А сейчас в живых остался только я один – они уже умерли, мир их праху, но на свободе. И жив я, Рита, исключительно благодаря тебе, – проникновенно говорил Луис. – Ты ведь могла оставить Хави в ближайшем поселке или даже в сельве и, забрав изумруды, сбежать одна, а вместо этого...

– Гореть тебе в аду за эти слова! Как ты мог так обо мне подумать? – возмутилась она.

– Рита! Не напоминай, мне про ад! Я это и так знаю, что меня там ждут! – огрызнулся Луис.

– Дева Мария! Они опять скандалят! – расхохотался Хавьер. – Как будто и не было всех этих лет!

– Прости, Рита, – немного успокоившись, сказал Луис. – Очень немногие люди выдержали бы такое искушение, а ты спасла Хави. Он рассказывал мне, что, когда в твоей машине кончился бензин, и ты не смогла его достать...

– Счастье великое, что он закончился до того, как я въехала в поселок. Я тогда оставила Веро в машине, а сама с канистрой пошла туда за ним. А на въезде увидела на столбе листовку со своей фотографией. Тут-то я и узнала, что из пленницы бандитов превратилась в их сообщницу. Вот нам и пришлось идти через сельву к железной дороге, чтобы добраться до Боготы.

– Иди! – хмыкнул Луис. – Как рассказывал Хави, большую часть пути ты несла его, привязанным к своей спине, потому что он выбился из сил.

– А чего ты хотел от ребенка, который все это время питался сырыми мясом и овощами? Как бы я могла в сельве развести костер? А на одних фруктах далеко не уйдешь! – фыркнула она.

– И ты не только дошла сама, но и его донесла, – медленно говорил Луис. – И выходила, хотя никто не верил, что он выживет. И только после этого ушла, хотя, как говорит Кончита, сама была еле живая. Благослови тебя бог за твое благодеяние!

– Скажи спасибо своему сыну за то, что он не забыл то место, куда я спрятала коробку с камнями – ему ведь было всего пять лет, а он запомнил, – якобы смущенная словами и тоном Луиса ответила Маргарита.

– Да, он не забыл то место. Но ты велела ему забрать коробку, когда он вырастет, чтобы, продав камни, получить образование, а жизнь опять распорядилась по-своему. Хави было двенадцать, когда убили Родриго и дела у семьи пошли совсем плохо, а тут еще и я в тюрьме серьезно заболел. Вот тогда он и забрал коробку. Продавая изумруды, Кончита, конечно же, страшно продешевила, но денег на хорошего адвоката, который вытащил меня из тюрьмы, и на лечение потом все равно хватило. Когда я окреп, мы с Хави сходили в одно место, где у меня был второй тайник, о котором никто кроме меня не знал. Вот те-то камешки я продал уже за их настоящую цену. Вытащил из тюрьмы Педро с Альваро и мы начали свое дело.

– Судя по тому, что у Веро есть сестра Алисия и брат Родриго, ты потом женился? – спросила Маргарита.

– Да, на Кончите – она ведь так похожа на сестру. Так что бизнес у нас семейный и предательство исключено. А, как жила ты? Вышла замуж? Дети есть?

– Ни то, ни другое, я одна, – ответила она.

– Судя по тому, что у тебя такой банкир и лихие подручные, ты все еще в силе, – заметил Луис.

– Просто не хочу, чтобы у моей наследницы были какие-нибудь проблемы, – неопределенно ответила она. – Ну, что? Луи! Веро! Я была очень рада вас услышать, а теперь давайте прощаться! – и объяснила: – Что-то я сильно переволновалась, и сердце щемит – нужно лекарство принять.

– Значит, мы с тобой так больше никогда и не встретимся? – грустно спросил Хавьер.

– Так будет лучше, малыш, поверь мне! – печально произнесла она.

– Нет, я не могу с тобой вот так проститься после всего, что ты сделала для нас, – решительно заявил он. – Скажи, ну, хоть чем-то мы можем тебе помочь?

– Чем? – невесело усмехнулась она, а потом сказала: – Хотя... Если у моей наследницы возникнут проблемы, ты не откажешь ей в помощи?

– Грита! И ты еще спрашиваешь?! – возмутился Хавьер. – А не будет меня, так мои дети ей помогут или я их прокляну с того света своим отцовским проклятием, а страшнее этого ничего на свете нет! Но, как мы ее узнаем? Как ее зовут?

– Спасибо тебе! – растроганно сказала она. – Узнать ее будет нетрудно – она очень похожа на меня и зовут так же, Маргаритой. Но, прошу, не зови ее «Грита» – это только мое имя.

– И оно свято для всех нас, – торжественно произнес Хавьер.

– А раз она похожа на тебя, то проблем не будет – в нашей семье до сих пор хранятся листовки с фотографиями, которые полиция в то время развешивала по всей стране, – добавил Луис. – Это же у нас единственное твое изображение, с которого мы заказали твой портрет.

– Да, лихое было время, – ностальгически произнесла Маргарита. – И, если бы не Антонио...

– Пусть тебя утешает то, что мы нашли его, и он принял страшную смерть, – жестко сказал Луис.

– Да! Но наших друзей этим не воскресишь, – вздохнула она. – А теперь действительно пора прощаться. И я звонила с чужого номера, и ты, Веро, тоже – жизнь научила нас осторожности. Так что вряд ли у нас еще когда-нибудь будет возможность поговорить. Храни вас бог! Тебе, Веро и твоим близким, здоровья и процветания, а тебе, Луи, желаю как можно дольше не встречаться со мной в аду на одной сковороде! Не поминайте лихом!

– На одной сковороде? Вряд ли! Ты же, колдунья, и там будешь чертями командовать и заставишь их на себя работать, – рассмеялся Луис, но в его голосе слышались слезы.

– Спасибо тебе за все, Грита! Я буду помнить о тебе до последних секунд своей жизни! Прощай! – сказал Хавьер.

Отключив сотовый, Маргарита несколько минут просидела, молча, с закрытыми глазами, приходя в себя, но вот она вздохнула, открыла глаза, вынула из телефона SIM-карту и, разломав ее, бросила в пепельницу.

– Что с вами было, Марджори? – встревожено спросил Берлимблос. – Я слушал вас и совершенно не узнавал. Вы были абсолютно не похожи на себя. Ваш голос, тон, манера говорить...

– Не обращайтесь внимания, Саймон, – отмахнулась она. – Главное, что все кончено. Вам и вашей дочери больше никто угрожать не будет, живите дальше спокойно.

– Как все? – удивился он. – Вот вы поговорили с кем-то и... Все?

– Да! – кивнула она. – Я попросила Коррадо оставить вас в покое, и он согласился.

Берлимблос, что называется, завис – он явно никак не ожидал, что она может, не прибегая к своим экстраординарным способностям, одним только телефонным звонком ликвидировать, казалось бы, неразрешимую проблему. Она же, посмотрев на большие, старинные, напольные часы, заметила:

– Уже довольно поздно. Вы поедете ночевать домой или останетесь у меня? Если второе, я распоряжусь приготовить для вас гостевую комнату.

– Нет, – покачал головой Саймон. – Я поеду домой.

– Хорошо, тогда поступим следующим образом. Завтра к десяти часам меня ждут у Бэлси. Я постараюсь освободиться побыстрее, а вы, тем временем, подготовьте свой дом для генеральной уборки – пора вымести оттуда этих мерзавцев, как обнаглевших тараканов. Уберите все фамильные драгоценности в сейф...

– Они там с тех пор, как Энтони вернулся из школы домой. Как говорится, не вводи вора в искушение, потому что, сколько денег ни дай этим подонкам, им все мало, – перебив ее, объяснил Берлимблос.

– Сочувствую, – покачала головой она. – Радует только то, что страдать вам осталось недолго. Тогда прикажите собрать все вещи Энтони и Вики и отправьте к нему на квартиру. Я понимаю, что они бросятся к вам за объяснениями, поэтому предупредите прислугу, чтобы

она не впускала их в дом даже по приказу Мирры, да и с ней ни в какие разговоры не вступайте до моего приезда. Договорились?

Проводив Берлиблему до машины, Маргарита вернулась в дом, где ее встретил встревоженный дворецкий – видно, даже до него доносились из кабинета ее гневные крики и непечальные словечки.

– Все в порядке, Уолтер, – успокоила она его. – Мы с господином баронетом обсуждали некоторые сложности банковского дела. И вот еще что: не надо будить меня завтра так рано – мои планы изменились, пусть все будет, как обычно. А сейчас идите спать, не ждите, пока я лягу – мне надо еще кое-что обдумать.

Маргарита вернулась в кабинет, налила себе коньяк и, грея в руках бокал, забралась с ногами в кресло. Маргарита-Елена была противна самой себе до отвращения, до тошноты! Всего несколько минут назад она мило беседовала и предавалась воспоминаниям с настоящими убийцами! Но, если отец действовал оружием сам, то его сынок травит людей кокаином чужими руками! А вот Маргарита-Тетушка не только вывела из-под удара Берлиблему, но и подстраховалась на будущее. Уж она-то знала, насколько непредсказуема жизнь и что такими знакомствами бросаться нельзя! И Маргарита невольно погрузилась в очень неприятные воспоминания о той давней истории.

В 1944 году она приехала из Мексики в Бразилию, откуда, повеселившись на карнавале, решила заехать в Колумбию, чтобы купить изумруды, которыми славится эта страна. Причем купить не у торговцев в Боготе, а непосредственно на руднике в Музо. В Боготе она обратилась к деловому партнеру Майкла Берлиблему сеньору Энрике, и тот оказал ей всяческое содействие, но предупредил, что дорога к руднику очень опасна даже для машин с вооруженным конвоем, а не то, что для одинокой женщины с деньгами, потому что там орудуют бандиты. Но, когда подобные мелочи ее останавливали? И она, взяв машину напрокат, поехала, и на нее действительно напали. У нее с собой были не только деньги, но и пистолет, так что отбиться от бандитов ей ничего не стоило. Да она одной мыслью могла их всех убить! Но!.. У нее появилась возможность снова на некоторое время избавиться от скуки, и она ее не упустила. В итоге она якобы попала в плен! Ох, не знали бандиты, с кем они связались! Хотя могли бы сразу догадаться, если они по ее просьбе-приказу безропотно забросали загнанную ей в сельву машину ветками.

Короче, в этот же день она уже стала своей в этой мужской компании – правда, для этого ей пришлось крепенько набить морды некоторым, особо жаждавшим женского внимания бандитам, а одного даже весьма чувствительно подколоть ножом, и всеобщее уважение было ей обеспечено. Ее признал даже Ларго, кустарниковая собака жуткой злобности, которую главарь банды Луис нашел еще щенком и непонятно как смог приручить, чтобы у его сына Хавьера был хотя бы такой товарищ для игр – этот пес родился с увечной лапой и наверняка погиб бы в дикой природе. Она сходу взяла на себя заботу о пятилетнем мальчишке, который больше напоминал Маугли, чем вызвала искреннюю благодарность Луиса.

Его история была в чем-то типичной для Колумбии. Он родился и вырос в южных трущобах, которые находятся на западном склоне Восточных Анд в Боготе, а потом женился на соседской девушке, Алисии. Они оба мечтали вырваться из нищеты и дать своему сыну образование, чтобы он стал врачом или юристом и прославил их род. Когда они узнали, что набирают рабочих на рудник по добыче изумрудов в Музо, то решили, что это их шанс разбогатеть и, сагитировав еще несколько друзей, отправиться туда. Там и родился Хавьер. Луису с Алисией везло, они находили неплохие камни, но торговцы скупали их за бесценок, чтобы потом перепродать втридорога, а они снова и снова искали по-настоящему большой изумруд, чтобы денег от его продажи хватило на образование сына. Когда мальчишке было три года, не вынеся тягот этой жизни, Алисия умерла, и Луис проклял тот день, когда они покинули родной дом.

Он забрал Хавьера и решил вернуться в Боготу, и с ним пошли его друзья. Но денег на то, чтобы оплатить проезд, у них не было и им предстояло пройти триста километров пешком. Они шли вдоль дороги, а мимо проезжали автомобили, которые везли в Музо деньги или продукты, а обратно возвращались с изумрудами или опять-таки деньгами. Видеть это изо дня в день голодным, измученным людям было неважноту и однажды они не выдержали и остановили на машину с продуктами. Они просили хоть какой-нибудь еды для ребенка, не для себя, а над ними посмеялись. Их унизили и оскорбили те, кто считал себя в полной безопасности – ведь у них было оружие. Только они не учли, что перед ними стояли те, кто вырос в южных трущобах, самом бандитском районе Боготы. В результате Луис с друзьями забрали не только продукты, но и деньги с оружием, и ушли в сельву, оставив на дороге трупы и машину, потому что никто из них не умел ее водить. Понимая, что после этого обратного пути у них нет, они решили, что лучше уж стать бандитами, чем, вернувшись домой, снова перебиваться с хлеба на воду. Они нашли заброшенный поселок – люди в сельве долго на одном месте не живут, и, подправив одну из хижин, поселились там. Достать оружие в беспокойной Колумбии всегда было легко – были бы деньги, а деньги Луис со своими людьми взял во время налета на машину, которую не раз видел на руднике. Он знал, что она принадлежит одному из торговцев изумрудами, а, раз она ехала на рудник, то в ней должны были быть деньги, так что этот вопрос решился очень просто. Так появилась еще одна банда – банда Луиса Сольвано.

Осмотревшись в банде, она поняла, что Луису с его людьми просто невероятно везло, что их до сих пор не поймали. Может быть, так было потому, что на дороге грабили и другие банды, более крупные и дерзкие, а эта была малочисленной и осторожной, вот ее никто всерьез и не воспринимал, кто знает? Но она решила, что не стоило искушать судьбу и действовать по старинке, о чем Луису и сказала. Тогда-то между ними и произошла та стычка, когда он вылетел в дверь. Узнав его историю, она пообещала, что поможет заработать достаточно денег для его и Хавьера безбедного существования, а потом уйдет, но он должен слушаться ее во всем. Для горячего колумбийского парня было невысмысленным подчиниться женщине, но заклинание сделало свое дело, и с того дня именно она стала мозговым центром банды, о чем никто кроме Луиса не знал.

С тех пор банда резко активизировалась, налеты стали проходить чаще, трупов стало меньше, а вот способы намного изощреннее. Они никогда не повторялись, выбирая для нападения все время разные места, и процветали, сбывая изумруды подпольным торговцам, которых совсем не интересовало происхождение камней. Связь с ними держал Антонио, которому она не верила – проверяя членов банды, она заглянула и в его мысли и узнала, что он ненавидит Луиса. Она говорила Сольвано, что Антонио ненадежен, но Луис ей не поверил – она была чужая, а он – друг его детства, с которым он вырос.

А потом Антонио в очередной раз рано утром ушел на встречу с торговцами. Когда она вышла из хижины, чтобы покормить Ларго, который всегда ждал ее возле двери, его там не было, и на зов он не отзывался. Она пошла его искать и нашла! В кустах! С перерезанным горлом! И кровь еще не успела до конца свернуться! Антонио специально убил Ларго, который всегда начинал твкать, когда к лагерю кто-то приближался, чтобы он не поднял тревогу. Только тут до Луиса, которого она только что мордой в труп собаки не тыкала, дошло, что она была права, но было уже поздно: раздался крик полицейских о том, что лагерь окружен и им лучше сдаться. Пока шла перестрелка, Луис достал из тайника полную изумрудов и денег жестяную коробку из-под печенья и сказал ей, чтобы она забрала Хави и отвела его в северные трущобы в Боготе к старшей сестре Алисии, Кончите Коррадо. Сунув в мешок несколько своих и Хавьера вещей, коробку, пистолет и нож, она схватила ревушего мальчика в охапку и под пулями, закрывая его собой – уж в нее-то точно никто не смог бы попасть, побежала, чтобы переждать перестрелку, в сельву, которую за это время хорошо изучила, потому что собирала там лечебные травы. В исходе боя она не сомневалась – банде Луиса Сольвано пришел конец.

Она и насмерть перепуганный Хавьер – ей пришлось успокоить его с помощью заклинания, потому что, разлучившись с отцом, он боялся всего на свете и ревел, не переставая, отправились к ее спрятанному в укромном месте автомобилю. Съестного у них не было ни крошки – не до того было, чтобы еще и его собирать. Но она переносила голод спокойно – главное, что вода была, а вот мальчик очень страдал. Чтобы отвлечь его, она рассказывала ему, как хорошо он будет жить у сестры своей мамы, куда отец, освободившись от своих дел, придет за ним. Надеясь, что Луис только ранен, она нимало не кривила душой, потому что смертную казнь в Колумбии отменили еще в 1910 году, а максимальный срок заключения составлял 24 года, вот и получилось, что рано или поздно, Хавьер встретится с отцом.

Машина оказалась на месте, а, поскольку была закрыта, то змеи и прочие гады туда не заползли. Но комфортабельной поездки на машине до Боготы не получилось, и им пришлось идти через сельву. Заблудиться она не боялась – ее вело кольцо Крейлара. Она была закалена жизнью и многочисленными приключениями, а вот мальчику приходилось очень трудно. Набредя на какой-то обитаемый поселок, они дождались ночи, и она стащила висевший на изгороди старый выцветший и рваный платок, чтобы спрятать свои волосы – их цвет был указан в листовке, как ее особая примета, а потом наворовала на поле маис и батат, которые они ели сырыми. Чтобы Хавьеру было хоть немного легче, она кормила его лекарственными травами, но он все равно с каждым днем все больше слабел, и она действительно несла его привязанным к своей спине.

И вот, наконец, они дошли до железной дороги. У нее были деньги, но идти вдоль полотна до ближайшей станции смысла не было – ее могли опознать при покупке билета. Так что пришлось ей, дойдя до ближайшего поворота, где состав должен был замедлить ход, дожидаться поезда и забраться на перевозившую скот платформу. Когда поезд остановился на подъезде к Боготе, она слезла и пошла в город. По дороге она нашла укромное место и, предварительно достав из коробки с изумрудами деньги, спрятала ее там, обезопасив тайник с помощью заклинания – ее доля добычи, самые крупные и чистой воды камни были давно зашиты в пояс ее юбки.

Грязная, как прах, в рванье, с тряпкой на голове и больным ребенком на израненных руках, а ноги выглядели еще страшнее, она ничем не отличалась от нищенок, которых в этой стране всегда было немало. Избегая оживленных улиц, она шла к северным трущобам. Проведя по приезде несколько дней в Боготе, она осмотрела город и знала, где они находятся, причем, как ей сказали, по сравнению с южными, они считались более благополучными. Как бы ни так! Те же бандиты! Только гонору больше!

Снова привязав Хавьера к спине, чтобы руки были свободны, она засунула пистолет за пояс юбки, прикрыв его кофтой, нож держала в рукаве, а мешок повесила себе спереди на шею. Она спрашивала всех встречных, где ей найти Кончиту Коррадо, и все указывали ей самые разные направления, причем толпа за ее спиной все время увеличивалась – в трущобах не любят чужих. Кончилось тем, что она, заломив самому ближайшему и поэтому самому глупому к ней мужчине – кто же подходит близко к незнакомцам? – руку за спину так, что он заорал в голос, ласково спросила, где же все-таки живет сеньора Коррадо, и дружелюбно покачала пистолетом. Ну, после этого она нашла лачугу Кончиты в считанные минуты, а ее авторитет в глазах окружающих необычайно возрос.

Неизвестно, как потом описывала Кончита Луису ее появление в их лачуге, но Родриго сначала наотрез отказался принять в свою семью сына Луиса Сольвано, хоть тот и родной племянник его жены. Он орал, что ему в доме не нужно бандитское отродье – можно подумать, он сам, торговавший на улицах Боготы наркотиками, был лучше, – да и самой ей, которую ищет полиция, в его доме не место. Кончита, хоть и плакала от жалости, глядя на лежавшего в беспомощности племянника, не могла перечить мужу. Пришлось успокаивать Родриго хорошим мордобоем, добив соответствующим заклинанием, после чего он стал сама любезность.

И она начала поить Хавьера заваренными травами, которые собрала по дороге – она же знала, что нужно будет его лечить. Время от времени она выдавала Кончите деньги на продукты, так что семья не голодала и они их не объедали. За сами деньги она не волновалась – их охраняло заклинание от воров. Но вот, наконец, ребенок поправился и, хотя он был еще очень слаб, она, сказав всем, что они пошли на прогулку, отвела его к тайнику. Там она показала ему коробку и объяснила, что он должен хорошенько запомнить это место и вернуться туда, став взрослым, чтобы забрать ее, продать содержимое и потом учиться. С помощью заклинания она позаботилась о том, чтобы Хавьер ничего не забыл и не разболтал чужим людям, да и не смог бы никто кроме него взять эту коробку – на ней тоже лежало заклинание от воров.

Вернувшись в тот день в лачугу Коррадо, она, пользуясь тем, что Родриго не было дома, отдала Кончите все деньги, объяснив, что это на питание для детей, и, если Родриго возьмет из них для себя хотя бы песо, то тут же умрет, так что, если она не хочет стать вдовой, то лучше их спрятать понадежнее. Кончита, которая и так относилась к ней с большим почтением, перепугалась насмерть и поклялась, что ее муж о деньгах ничего не узнает, и она потратит их только на детей. Решив, что сделала все возможное, она попрощалась с Хавьером и собралась уходить, но он вцепился в нее мертвой хваткой. Как же он рыдал! Как просил забрать его с собой! И успокоился только после того, как она пообещала ему, что, может быть, когда-нибудь они еще встретятся.

Конечно же, ни к каким контрабандистам она не пошла, а отправилась напрямиком в дом синьора Энрике, где ее появление вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Она объяснила ему, что ни в чем не виновата и ее просто оклеветали, но она все равно не хочет иметь никаких дел с полицией – когда еще та убедится в ее непричастности ко всем творимым бандитами бесчинствам, а она очень устала и хочет только одного: поскорее вернуться домой. Ее убедительный тон был подкреплен соответствующим заклинанием, и вот уже она, проведя безвылазно неделю в доме Энрике, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть, с фальшивыми, но очень добротными сделанными документами гражданки Колумбии стояла на палубе отплывавшего из Картахены в Европу корабля. Настроение у нее было самое расчудесное – она достала восхитительные изумруды, очень бурно и насыщенно провела время, пережив массу приключений, а впереди ее ждали очередные. Правда, к концу рейса к ней снова вплотную подобрался ее самый страшный враг – скука, что, в конечном счете, и привело ее в Советский Союз.

К слову сказать, о Хавьере она начисто забыла, как только переступила порог хижины Кончиты. Да! Она не оставила ребенка на произвол судьбы! Она спасла его! Она сделала то, что пообещала Луису, и тут же выбросила все из памяти!

Маргарита поднялась из кресла расстроенная и опустошенная этими нерадостными воспоминаниями, которые теперь были, к сожалению, ее собственными. Ее утешало только то, что в отличие от истории с Пьянцотти в этом случае ее вины практически не было. Луис и его друзья стали бандитами еще до нее, при ее управлении бандой трупов стало как раз меньше, ребенка она спасла, а уж то, что потом Луис, имея достаточно средств, чтобы вести спокойную жизнь, занялся наркоторговлей, пусть остается на его совести. А Хавьер? Ну, что ж! Недаром говорят, что яблоко от яблони недалеко падает!

И, окончательно успокоившись, Маргарита пошла спать.

Глава 3. На круги своя

К так хорошо знакомому ей особняку в районе Хайгейт, испокон веков принадлежавшему герцогам Бэлси, Маргарита приехала на присланном за ней Джорджем автомобиле «Астон Мартин». Не без душевного трепета войдя в холл, она осмотрелась и почувствовала несказанное облегчение от того, что дом выглядел очень достойно. Конечно, во всем чувствовалась некоторая «потертость», но и она была благородной, как трещинки на старой картине или патина на памятнике. Это ведь только нувориши стремятся, чтобы все вокруг блестело и сверкало, и сами одеваются «с иголки», а хороший тон подобного не допускает. Джордж очень радушно встретил ее и проводил в кабинет отца, и Маргарита с радостью отметила, что там ничего не изменилось. Герцог сидел в кресле-коляске и, несмотря на изможденный вид, не оставлявший сомнений в диагнозе «рак», взгляд его был фамильным: цепким и властным.

– Оставь нас вдвоем! – потребовал он слабым голосом, но непреклонным тоном, даже не дожидаясь, когда Маргарита будет ему официально представлена.

Джордж недоуменно посмотрел на него, потом на нее, но послушно вышел, плотно прикрыв за собой дверь, и тут Бэлси сказал:

– Присаживайтесь, герцогиня!

– Ваша светлость заблуждается – у меня нет титула, – спокойно ответила Маргарита.

– Сядь! – приказал он. – Мне трудно смотреть вверх.

Она пододвинула стул так, чтобы, сев, видеть лицо герцога, а их глаза были на одном уровне.

– Я знаю все, – тихо начал он. – С самого начала.

– О чем вы, ваша светлость? – шепотом удивилась она.

– Я нашел дневники твоего отца, и знаешь где? – он усмехнулся. – На чердаке, в старых вещах его сестры Хильды, твоей тети, которая забрала их после его смерти. Да, я пытался отсудить твое состояние, перерыл все возможные документы, относящиеся к тому времени, и наткнулся на них совершенно случайно. Они мне не помогли, да и предать их гласности я не мог – моего предка сочли бы выжившим на старости лет из ума. Или ты не знала, что твой отец всю жизнь вел дневник?

– Благоволите выражаться яснее, ваша светлость, – попросила Маргарита. – Я пока мало что понимаю.

– Маргарет, у меня нет ни сил, ни времени, чтобы играть с тобой в дипломатию, – устало сказал он. – Счет идет на дни, а, может, и на часы, поэтому просто выслушай меня, не перебивая. Я все знаю о том, как Берлиблону превратили дочь мельника в дворянку-француженку, но не это главное. Твой отец не скупился на дифирамбы, описывая твои сверхъестественные способности, и, вообще, называл маленькой ведьмой, способной играть людьми, как куклами, подчиняя их своей воле. Он написал также о том, как ты очень успешно лечила его травами. После его смерти ты уехала во Францию, где якобы умерла. Я стал искать твои следы и нашел их при дворе Карла Второго, где графиня Холворд, твоя точная копия, всячески опекала леди Маргарет Белсайд, урожденную Уинхилл. А это, между прочим, фамилия твоей матери по второму мужу. Или тебе ничего не говорят эти имена?

– Они жили тогда, я живу сейчас. Или вы верите в бессмертие? – спросила Маргарита.

– Твой родной отец называл тебя ведьмой, а у них возможно все. Самое главное – портрет! Ты не могла ни от кого о нем услышать, потому что о нем просто никто не знал кроме меня. И, как выяснилось, тебя! Но ты же никогда раньше не была в Англии, а уж, тем более, в нашем Саутгемптонском замке. После того, как там остался Джон, я сам бывал там считанные разы, а моя остальная семья – никогда, так что и от Джорджа ты о нем услышать не могла.

Вот и получается, что ты жива! И Берлиблоу состряпали тебе новую и неплохую биографию – на это они мастера.

– Я не понимаю, к чему вы ведете, – спросила Маргарита, хотя уже заглянула в мысли герцога и отлично знала это сама, но еще не решила, как к этому относиться.

– Все ты понимаешь, – губы герцога чуть дернулись в усмешке. – Ты же умеешь читать мысли!

– Хорошо, я все понимаю, но почему? – спросила она.

– Видишь ли, Маргарет, я прекрасно знал, что произошло, как в моей семье, так и у Бенсона, но не подозревал, что этим стоит Джон, будь он проклят.

– Дети боялись вам все рассказать, думая, что это вас убьет, а вот Бенсон, значит...

– Это его работа! – жестко сказал герцог. – Мне приходилось выносить удары и посильнее. Но сейчас! – он невольно застонал. – Будь я хотя бы здоров, я бы нашел возможность решить эту проблему, но я прикован к коляске. Поручить это посторонним людям и отдать себя в их власть? Так верить в наше время нельзя никому! Уж, если при дворе Ее Величества нашлись подлецы, способные ради денег опубликовать свои мемуары, полные всяческих гнусных измышлений, то... Куда катится мир, Маргарет? Былые времена тоже не были святыми, но понятие чести было незыблемым!

– Негодяев во все времена хватало, – возразила Маргарита. – Но мы отвлеклись.

– Да-да! – вздохнул он. – Ты права! Так вот, скажу тебе откровенно, я впервые не знал, что мне делать. Я мучительно искал выход из положения, когда Бенсон доложил мне, что ты решила эту проблему с блеском, но... Ты попросила портрет! И тогда я занялся тобой вплотную, а три дня это очень много, когда стоишь на краю могилы. Тебя опознали в казино! Я послал в Неаполь человека, чтобы он выяснил подробности гибели мерзавца Джона, и ему сказали, что тот умер от сердечного приступа после разговора с тобой. Это при его-то бычьем здоровье! Это ты его убила?

Хитрить Маргарита не стала и просто ответила:

– Да! Я совершила то, на что в свое время не решились вы. А ведь, сделайте вы это, никаких проблем сейчас не возникло бы.

– И ты еще спрашиваешь, почему? – тихо воскликнул герцог. – Ты Бэлси, Маргарет! Как писал твой отец, ты больше Бэлси, чем всего его остальные дети вместе взятые! Будь иначе, ты бы просто вывела из-под удара эту девочку Берлиблоу, а нас предоставила нашей несчастной судьбе. Но ты не могла допустить, чтобы наше имя было покрыто бесчестьем, пусть и невольным! Ты нас спасла!

– Но это еще не повод, – возразила она.

– Маргарет! Тебе нужно имя, титул и положение при дворе, хотя в наше время возле трона крутится свора ничтожеств, которых раньше не пустили бы туда, даже чтобы чистить нужники!

– Согласна, сброда там хватает, и титул мне нужен, но я решу эту проблему сама, – заявила она.

– И я даже знаю, как ты собралась это сделать! Да, я не выхожу из дома, но это не значит, что меня держат в неведении! Бэлси никогда и ничего не просили у королей! В былые времена мы сами дарили им замки! – возмущенно воскликнул он.

– Знаю, но те времена давно прошли, – напомнила ему Маргарита. – Что вы хотите взамен?

Немного подумав, герцог сказал:

– Маргарет! Я безумно любил свою вторую жену – она была ангелом. Я обожал своих детей, но после ее смерти моя любовь к ним превратилась в манию. Я изо всех сил скрывал ее, я старался быть строгим, но страх за них был сильнее меня. Я их слишком опекал и теперь с сожалением вижу, что в них нет ни капли самостоятельности. Ладно бы дочь! Судьбу Норы

я постарался устроить, и ее жених был человеком во всех отношениях достойным. Выйди она за него замуж, я умер бы спокойным за нее, но ты сама знаешь, что случилось. Джордж? Он добрый и честный, но во всем пошел в мать, и в нем нет ни капли нашего характера. Дай-то бог, чтобы он проявился хотя бы во внуках. Я безуспешно искал для него достойную жену с большой и крепкой родней, которая стала бы ему опорой, но я уже не успею. Я боюсь, что в погоне за титулом его окрутит какая-нибудь плебейка – этих случаев сейчас столько, что я прихожу в ужас. Но, самое главное, что это ведь не станет гарантией его счастливой семейной жизни. Я хочу оставить их на тебя. Ты Бэлси! Ты защитишь их, ты не допустишь, чтобы они стали несчастными или наделали непоправимых ошибок. Кроме того, Бенсон стар и у него нет преемника. Я очень рассчитывал на Берлиблону – они всегда были преданы тебе, значит, были бы преданы и моим потомкам, но я слышал, что у него какие-то неприятности.

– Вы всерьез полагаете, что я это допустила бы? – удивилась Маргарита и успокоила его: – Не волнуйтесь, у него все в порядке.

– Тогда я жду твой ответ, – сказал Бэлси.

Маргарита встала и подошла к окну. Довольно долго она стояла, обдумывая услышанное и взвешивая все «за» и «против». Наконец, она повернулась и сказала:

– Хорошо, ваша светлость! Я согласна выйти за вас замуж! Я обещаю, что буду оберегать не только Элеонор и Джорджа, но и весь наш род, сколько бы он ни продлился.

– Спасибо, Маргарет! Теперь я могу умереть спокойно – они в надежных руках. Можешь звать меня Ричард, – Бэлси тряхнул колокольчиком – видимо, звонков в этом доме не признавали, и спросил у появившегося Бенсона: – У тебя все готово?

– Да, ваша светлость, все, что исключит любые возможные недоразумения: врачебное заключение о вашей дееспособности, высочайшее разрешение заключить брак в обход предписанных законом порядков и проект брачного контракта, – сообщил тот.

– Тогда отдай его Маргарет – пусть Берлиблону ознакомится с ним, чтобы вы могли обсудить все пункты, но времени у вас для этого – только до сегодняшнего вечера. А теперь пригласи моих детей, – приказал Бэлси.

Бенсон отдал Маргарите папку с документами и позвал Элеонор с Джорджем. Те, явно ждавшие под дверью, появились мгновенно и, когда услышали новость о том, что их отец решил жениться на Маргарите, то растерялись настолько, что потеряли дар речи. Да, с характерами у них было неважно, никто даже слова возражения не смог произнести.

– Мои дорогие и горячо любимые дети! – с нежностью в голосе начал объяснять Бэлси. – Вы ошибочно полагали, что я ничего не знаю, но я был в курсе всего, только сделать ничего не мог, – с горечью сказал он. – А Маргарет спасла нашу семью, нашу честь, будущее вас и ваших детей. Она обещала мне и впредь заботиться о вас, но, чтобы ей было легче это делать, она должна вращаться в том же обществе, что и вы. Она очень богата и могла бы легко купить титул, но я предложил ей более достойный путь, и она согласилась. Маргарет уже доказала своим поступком, что чувствует к вам самое искреннее расположение, а ваше не менее искреннее чувство благодарности к ней поможет вам сблизиться и стать настоящими друзьями.

За время его речи Джордж с Норой несколько пришли в себя, и девушка спросила:

– Нам нужно готовиться к свадьбе?

– Никакой свадьбы не будет, в моем состоянии я ее просто не перенесу. Церемония бракосочетания и подписания брачного контракта пройдет здесь, в доме, в семь часов вечера – для этого уже все готово, а потом будет небольшой ужин для своих, – объяснил герцог.

– Папа! Наверное, следует распорядиться, чтобы приготовили мамины апартаменты? – дрогнувшим голосом спросил Джордж.

– Нет! – опередив герцога, твердо ответила Маргарита. – Туда в свое время войдет только ваша жена, – четко выговорила она. – А мне будет достаточно и гостевой комнаты.

Брат с сестрой не могли не оценить ее деликатность и благодарно улыбнулись, у Норы даже глаза заблестели от слез, да и сам герцог растрогался и невольно вздохнул.

– А вот фамильные драгоценности герцогинь Бэлси мне сегодня надеть придется, их-то и надо почистить, – продолжила Маргарита.

– Они уже готовы, – заверил ее герцог.

– Ричард! Вы были так уверены в моем ответе? – удивилась она.

– Я был уверен в твоем благоразумии, – выразительно произнес он и спросил: – Тебе хватит времени, чтобы подготовиться и выглядеть вечером достойно?

– Конечно, – спокойно подтвердила она.

– Ты хочешь кого-нибудь пригласить? – спросил он.

– Берлимблону должен быть на церемонии как мой опекун, а потом он останется на ужин и у вас, Ричард, будет возможность поговорить с ним о делах. В Лондоне же я пока знакома только с лордом Кертоном и его сестрой, их-то я и хотела бы пригласить. Вы не возражаете?

– Я знавал отца нынешнего Кертона, прекрасный был человек, – соглашаясь, покачал головой герцог.

– Его сын и дочь тоже очень достойные люди, впрочем, ваши дети с ними уже знакомы и могут подтвердить это, – добавила Маргарита.

При упоминании имени Кертонов Элеонор слегка покраснела и опустила глаза, да и Джордж, выглядевший очень довольным, поспешно сказал:

– Я согласен с Марджори. Это замечательные люди, – но тут же смутился под взглядом отца и заторопился: – Ну, мы пойдем – надо же все приготовить.

Он с сестрой и Бенсон вышли, а герцог, внимательно посмотрев на Маргариту, задумчиво сказал:

– Маргарет! Я очень хорошо знаю своих детей. Ты уже что-то затеяла?

– А что, Ричард? – удивилась она. – Прекрасная партия!

– Род древний и уважаемый, – согласился он. – Но ни гроша за душой.

– Это временно! – успокоила она его.

– А-а-а! Решила родственников подкормить! – усмехнулся он.

– Так из своих же денег! – возразила она.

– Ну-ну! Посмотрю я сегодня поближе на своих потенциальных зятя с невесткой, – хмыкнул он. – А они-то хоть догадываются о твоих намерениях?

– Ни сном, ни духом, – честно сказала Маргарита. – Только куда они денутся? Я же вижу, что это наилучший выход из положения!

– Да-а-а! – одобрительно протянул герцог. – Ты истинная Бэлси!

– Эта истинная Бэлси пока не обзавелась машиной, так что распорядитесь, пожалуйста, чтобы меня отвезли к Берлимблону, – попросила она.

– Маргарет! Это такие мелочи, что я ими не занимаюсь, – поморщился герцог. – Скажи Джорджу, что я отдаю тебе свою машину с водителем, он же телохранитель – его зовут Роберт, и он все устроит.

Выйдя из кабинета, Маргарита очень легко нашла брата с сестрой – еще бы ей этот особняк было не знать. Теперь ей нужно было обеспечить Джозефу и Джоан не только максимально теплый прием в этом доме, но и заинтересовать Джорджа с Норой в них настолько, чтобы больше не волноваться за развитие событий – проблема Берлимблону была решена, и она собралась вплотную заняться благосостоянием Кертона. Передав Джорджу слова герцога, она обратилась к девушке:

– Нора! Вы сами понимаете, что у Джоан не может быть подходящего для сегодняшнего случая платья. У вашего брата есть ее телефон, так что созвонитесь с ней, пожалуйста, и купите вместе достойный наряд для нее и все, что к нему полагается. Вот это кредитка, а вот PIN-код к ней, – она написала его на листке из блокнота и все вместе протянула девушке. – Я уверена,

что она будет отказываться и отбиваться, поэтому объясните ей, что стоимость покупки я потом вычту из полагающей им части наследства.

– Какого наследства? – удивилась Элеонор.

– Марджори! Вы и раньше говорили что-то об их деньгах, но каких именно? – спросил Джордж.

– У меня сейчас времени вам все в подробностях рассказывать. Вы фильм о том, как я нашла сокровища в Блэкхилле, видели? – спросила она и оба синхронно и при этом обалдело кивнули. – Часть их будет принадлежать семье Кертона, потому что он наследник супруги лорда Блэкхарта, последнего законного владельца замка. Только пока... – она поднесла палец к губам. – Об этом никому ни звука! Договорились?

Они снова кивнули, но уже с совершенно другим выражением лиц. Да, им очень понравились Джоан с Джозефом, но их несомненные достоинства: древнее и благородное происхождение, красота, прекрасное воспитание и скромное поведение девушки, мужественность и успешная военная карьера Кертона тускнели на фоне их откровенно небогатой жизни, но каким же блеском эти же качества засияют на фоне больших денег! И Маргарита нимало не осуждала Джорджа и его сестру за такие мысли – они были так воспитаны, это была их жизнь, их менталитет. Но, главное, с этой минуты она была твердо уверена в том, что они приложат все усилия, чтобы закрепиться на завоеванных позициях, а потом развивать наступление дальше. А уж в том, что они никому ни слова не скажут о будущем благосостоянии Кертона, можно было даже не сомневаться – ну, кто же выпустит из своих рук такую добычу? Увидев, что ее собеседники уже о чем-то грезят, Маргарита грубо сдернула их на грешную землю:

– Нора! – позвала она девушку и напомнила: – Джоан! – а потом, повернувшись к ее брату: – Джордж! Машина!

Оба тут же встрепенулись, Джордж отдал сестре свой сотовый, чтобы она позвонила Джоан, а сам, подхватив Маргариту под руку, проводил будущую мачеху до теперь уже ее автомобиля, которым оказался все тот же «Астон Мартин».

– Отец уже давно им не пользуется, – грустно сказал Джордж. – С тех самых пор, как заболел. Так что распоряжайтесь им по своему усмотрению.

По дороге в особняк Берлиблэу Маргарита, пользуясь тем, что у нее есть немного времени – неизвестно ведь, насколько она задержится у Саймона, позвонила Кертону.

– Поздравь меня, Джо! Я сегодня выхожу замуж! – сходу заявила она.

Ответом ей было растерянное и довольно долгое молчание, потом нервный смешок, кашель и, наконец, раздался неуверенный голос Джозефа:

– Марджори! Ты же говорила, что никогда не выйдешь замуж, – напомнил он.

– Ах, Джо! Есть причины и причины! – небрежно бросила она. – Только мое замужнее состояние никак не отразится на моей жизни, – успокоила она его.

– Кто же этот несчастный, согласившийся связать свою судьбу с такой непредсказуемой и взбалмошной особой, как ты? – с деланным сочувствием поинтересовался Кертон.

– Герцог Бэлси, – невинно сообщила она.

– Ап! – звук захлопнувшегося чемодана свидетельствовал о том, что готовое сорваться словцо осталось намертво запечатанным – не то это было имя, над которым можно шутить. – Ну, что ж! Поздравляю, конечно, твоя будущая светлость, – растерянно сказал Кертон.

– Не волнуйся, Джо, я не собираюсь долго оставаться только в этом качестве, – пообещала Маргарита.

– Учитывая преклонный возраст герцога, твоим следующим титулом будет, видимо, ваше высочество? – ехидно спросил Джо.

– О, нет! С меня и этого довольно! Просто я хочу себя попробовать в роли вашей, милорд, тещи и свекрови для Джоан, – сообщила она.

– Чего?! – заорал Кертон. – Ты с ума сошла?

– Ничуть! Я сегодня имела возможность убедиться, что вы произвели на Джорджа и Нору самое благоприятное впечатление и его нужно только закрепить, а потом всячески развивать. Или ты хочешь сказать, что они сами вам не понравились? А ну отвечай! Только честно! – потребовала Маргарита.

– Они очень милые, симпатичные и порядочные люди, такие не могут не нравиться! Но мы им не ровня! Или ты забыла, кто мы и кто они? – взорвался он.

– А вот со стороны своего будущего супруга я неодобрения своим планам как-то не встретила, – заявила она. – В свете изложенного прошу тебя с сестрой прибыть сегодня в дом герцога к восьми часам вечера для участия в торжественном ужине по поводу моего бракосочетания. К сожалению, Артура с собой вы взять не сможете. И только попробуйте не прийти! – с угрозой предупредила она. – Ты меня знаешь, но даже не представляешь, на что я способна в гневе. Лучше не рискуй!

– Хорошо! – промолчал, буркнул он. – Только из уважения к тебе. До вечера! – и бросил трубку.

«Да куда же ты денешься?» – усмехнулась Маргарита. На улице начался дождь, но это было не страшно, потому что в машине был водитель, который – а слухи среди прислуги в больших домах разносятся со скоростью звука – уже знал, что везет не кого-нибудь, а будущую хозяйку. Он вышел из машины с зонтом, раскрыл сначала его, потом дверцу машины и на вышедшую Маргариту не попало ни капли. Они направились к двери особняка, когда из стоявшего неподалеку автомобиля выскочили Энтони и Вики и побежали к ней.

– Ах ты, гадина! Это из-за тебя нас из дома выгнали! – кричала ей Вики, а вот парень явно был готов не только к словесной перепалке.

Водитель, высокий крепкий мужчина лет тридцати – видимо, из бывших военных, мгновенно заслонил Маргариту собой, но ему мешал зонт.

– Не беспокойтесь, Роберт, – хладнокровно сказала ему она и направилась навстречу этим двум подонкам.

Руку замахнувшегося на нее Энтони она перехватила и, выкрутив, заставила его согнуться вдвое, а потом пинком под зад отправила на мокрый асфальт с такой силой, что он проехал по нему несколько метров. Вики же она просто, отклонившись от ее удара, подсекла ноги и та во весь рост упала на землю.

– Зря ты не запомнила мои слова. А я ведь предупреждала, что не размениваюсь на такие мелочи, как кусаться, а сразу бью, – напомнила она и усмехнулась: – Вы оба чудно смотрите в грязи, где вам самое место!

Насчет грязи она, конечно, преувеличила – в Найтсбридж, одном из самых фешенебельных районов Лондона, ее не было, и быть не могло, асфальт был просто мокрым. Спокойно вернувшись обратно к двери, она увидела, что та уже распахнута – наверное, водитель успел позвонить, а, может, наблюдавшая за происходящим в окно прислуга сама открыла ее.

– Подождите меня, Роберт, – попросила она водителя. – Не думаю, что я задержусь здесь надолго.

– Есть, мисс, – ответил тот, подтвердив догадку Маргариты о его военном прошлом.

Возле кабинета Саймона орала и скандалила Мирра, безуспешно бившаяся о его закрытую дверь, как рыба об лед. Перепуганная прислуга потихоньку наблюдала за происходящим, но никто и не думал вмешиваться, хотя Мирра требовала принести топор и выломать дверь.

– Зачем же выламывать, если можно просто попросить и ее откроют? – с притворным удивлением спросила Маргарита.

– Ах, ты, дрянь! – взвилась та. – Тебя, как порядочную, в этом доме приняли, а ты...

Продолжить ей Маргарита не дала, а отвесила полновесную и звонкую оплеуху, заставившую Мирру мгновенно заткнуться, и громко сказала:

– Открывайте, Саймон! Это я!

Дверь тут же открылась, но, как ни пылала Мирра гневом, получив по физиономии, она сочла за лучшее больше не орать, а возмущенно спросила:

– Как ты мог выгнать наших детей из нашего дома?

Саймон, который выглядел сейчас именно таким, каким его привыкла видеть Маргарита, то есть жестким и собранным дельцом, ей ничего не ответил, и тогда Маргарита предложила:

– Пожалуй, теперь можно пригласить для разговора и этих ублюдков, но только сюда. И скажите прислуга, чтобы застелила чем-нибудь стулья – вид у них не слишком опрятный.

Берлиблоу распорядился и через несколько минут в кабинете появились мокрые Энтони и Вики, которым Саймон жестом показал на стулья и сказал:

– Ну, вот теперь можно и поговорить. Мирра, ты спросила меня, как я мог выгнать наших детей из нашего дома. Вопрос сформулирован неверно. Я выгнал твоих детей из своего дома.

– Папа, я понимаю, что мы не всегда вели себя... – начал, было, Энтони, но Саймон не дал ему продолжить:

– Отныне и навеки я для вас обоих «мистер Берлиблоу», потому что вы не мои дети, что подтверждено экспертизой ДНК, – холодно произнес он. – По некоторым причинам я много лет хранил эту тайну, но теперь оказалось, что она известна столь многим, что я больше не намерен терпеть ваше присутствие, как в моем доме, так и в моей жизни.

– Как не твои? А чьи? – опешила Вики и спросила у Мирры: – Мама, кто наш отец?

Но та, обессилено рухнув в кресло и закрыв руками лицо, молчала и отвечать явно не собиралась, так что за нее это сделал Саймон:

– Двоюродный брат вашей матери Рональд Олборн.

– Он же был придурок! – обалдело воскликнул Энтони. – И это еще мягко сказано! Настоящий психопат!

– Но это же инцест! – потрясенно воскликнула Вики.

– Надеюсь, теперь вы понимаете, почему получились такими уродами? Потому что оба пошли в него, – жестко заявил Берлиблоу. – Я женился на вашей матери против воли своей семьи. Отец убеждал меня, что я совершаю ошибку, что семье Мирры нужны только наши деньги, но я не хотел никого слушать и поступил по-своему. Я знал, что Мирра не любит меня, но ожидал, что она, по крайней мере, будет мне верной женой. Я надеялся заслужить ее любовь, а если нет – то моей любви хватило бы на двоих. Именно поэтому мы всегда жили отдельно, а сюда нас и на порог не пускали.

– А Мэри? Она же с детства воспитывалась здесь? – возразил Энтони.

– Потому что она точная копия своей бабушки, – объяснил Саймон. – Но отец все равно сделал анализ ДНК и, только убедившись в том, что она действительно моя дочь, под угрозой лишения наследства заставил меня отдать ее им на воспитание. И она выросла в этом доме, и мои родители нашли для нее блестящую партию, а еще заранее выделили причитающуюся ей часть состояния. Я виделся с отцом только в банке, а с дочкой и мамой – по большим праздникам, когда приходил сюда поздравить их, но за стол меня не приглашали, – с горечью в голосе рассказывал он. – Потом подряд родились вы, и я очень обрадовался – у меня ведь появился наследник. То, что вы были совершенно не похожи на меня, Мирра объясняла тем, что вы пошли в ее родню.

– Это действительно так. Дело в том, что старшую сестру вашей бабушки по материнской линии выдали замуж из самых меркантильных соображений, а то, что мистер Олборн был психически нездоров, ее родителей нимало не волновало, – добавила Маргарита. – От этого брака и родился Рональд, внешне похожий на мать, а скорбной головешкой он пошел в отца. А ваша недалекая мамаша втрескалась в него по уши! Первая любовь и все такое! Но кто бы поженил Рональда и Мирру – они же двоюродные брат и сестра, да и мистер Берлиблоу был более выгодной партией, вот Рональда заботливые родственники и отправили подальше, чтобы он не смог сорвать свадьбу.

– А ты откуда знаешь? – взорвалась Вики.

– Так, это всему Лондону известно, – усмехнулась Маргарита, которая, на самом деле, узнала об этом из воспоминаний Уолтера и Клэр.

– Вы росли, и я все больше убеждался, что вы не похожи на меня не только внешне, – продолжал Саймон. – Вы уже тогда вели себя так омерзительно, что не могли быть настоящими Берлиблэу. Вы с самого раннего возраста были совершенно неуправляемыми детьми. Я очень переживал разлуку с Мэри, а вот Мирра относилась к этому совершенно спокойно. С тем большим удивлением я наблюдал, как она безгранично баловала вас, бросаясь на меня, как бешеная, если я пытался призвать вас к порядку. Все это навело меня на определенные мысли, и я встретился с одной из подруг вашей матери, которая и рассказала мне о неземной любви Мирры к своему кузену, который довольно долго отсутствовал, а потом вдруг появился. Ты помнишь, как он не постеснялся прийти к нам на твой день рождения? – спросил Саймон у жены.

А та, все так же продолжая сидеть в кресле с закрытым лицом, глухо спросила:

– Зачем же ты столько лет ждал?

– И это попозже объясню, – пообещал Берлиблэу. – А тогда я увидел то, чего раньше не замечал – как вы заговорщицки переглядываетесь и улыбаетесь друг другу. Я снял несколько выпавших волос с его пиджака и пальто, и, изо всех сил надеясь на то, что ошибаюсь, сделал анализ ДНК. И он показал, что я не имею к появлению на свет Энтони и Вики никакого отношения, а их истинный отец Рональд. Каким же дураком я себя почувствовал и как же возненавидел тебя за мою растоптанную любовь! Но я вынужден был молчать, чтобы родители ничего не узнали. Как бы я смог смотреть в глаза отцу, который часами убеждал меня не связываться с твоей подлой семьей. К счастью, Рональд вскоре погиб, попав пьяным в автомобильную аварию.

– Как ты можешь так говорить о человеке, кем бы он ни был! – впервые с начала этого тягостного разговора возмутилась Мирра.

Но вот только ответ она получила не от Саймона и такой, что жизнь ей в тот момент явно показалась не в жизнь, потому что Энтони заорал:

– Ты бы лучше помолчала! Надо было раньше умной быть и думать, под кем ноги раздвигаешь!

– Или хоть предохранялась бы, если уж так передок зудел! – поддержала брата Вики.

– Как вы можете так говорить? – в ужасе воскликнула Мирра. – Я хотела иметь детей от любимого человека! Разве я была вам плохой матерью?

– Да, пошла ты! – отмахнулся от нее сын.

Но тут Берлиблэу хлопнул ладонью по столу и все замолчали.

– Я еще не закончил, – веско сказала он. – Я очень надеялся, что после гибели Рональда Мирра все-таки родит мне сына. Моего сына, – подчеркнул он. – Но родилась Дебора, а больше детей Мирра иметь не захотела. Доба по-настоящему моя дочь, но, к несчастью, отец ее уже не увидел. Он ушел раньше срока, потому что, как перед своей смертью рассказала мне мама, все знал и переживал не только за меня, но и за будущее нашего дела, которому, как и его предки, посвятил всю свою жизнь. Я возглавил банк, но сюда мы переехали только после смерти мамы, которая, слава богу, успела порадоваться на Дебору. А я продолжал молчать, потому что, какое доверие может вызывать банкир, который не способен управлять собственной семьей? Кто доверит ему управление своими финансами? Вот в таком аду я и жил, и был очень рад, когда вы разъехались по частным школам – хоть какая-то передышка была, потому что на все каникулы я отправлял вас с Миррой отдыхать подальше. Но, окончив школы, вы вернулись домой. Я готов был оплатить ваше обучение в любом университете, лишь бы подальше от дома, но вы не захотели учиться и пустились во все тяжкие. Попытки образумить вас ни к чему не привели, а, когда я сказал вам, что вы позорите честь нашего рода, вы в ответ рассме-

ялись. Весело. В голос. Но самое отвратительное в этой истории то, что Рональд, этот законченный мерзавец, даже не счел нужным сохранить свои похождения в тайне.

– Неправда! Он не мог! Он не стал бы! – бросилась защищать своего покойного любовника Мирра.

– Тогда кто? – с интересом спросил у нее Саймон. – Я молчал, ты, полагаю, тоже – не в твоих интересах было, чтобы правда вышла наружу, остается только он. И слухи поползли, хотя никто и никогда не решился не то что сказать мне что-нибудь в глаза, а просто даже намекнуть на это. Люди перешептывались у меня за спиной и, наверняка, смеялись. Если бы я только раньше узнал, что в обществе все известно, я бы не стал терпеть ни секунды. Но я, к сожалению, не знал. А вы двое позорили меня, как только могли! Более того, я ведь знаю, что это ты, Энтони, тогда разгласил конфиденциальную информацию, а сейчас ты через своего друга Райна втянул меня в очень нехорошую историю. Но теперь моему терпению пришел конец! Уходите отсюда навсегда и живите, как хотите и на что хотите, потому что больше вы не получите от меня ни пенни. У тебя, Энтони, есть квартира, так что без крыши над головой вы не останетесь, а ваше дальнейшее будущее меня не касается!

– Но ты не можешь вот так выгнать нас из дома совсем без денег! – воскликнула Вики.

– Уже выгнал! – ответил Саймон. – Идите и зарабатывайте себе на жизнь, как сможете – кормушка закрылась раз и навсегда!

– Ну, это мы еще посмотрим! – угрожающе воскликнул Энтони.

– Да, чуть не забыл! – спохватился Берлиблэу. – Я изменил завещание. Теперь в случае моей смерти никому из вас троих не достанется ни-че-го! Энтони, ты ведь мое убийство имел в виду? Так, знай, что оно вам не поможет! Уходите! Сюда вам отныне вход закрыт, да и в банк вас теперь никто не пустит! Ну, чего ждете?

Энтони и Вики переглянулись и, поняв, что ждать им здесь действительно больше нечего, направились к двери.

– Завязывайте с кокаином, – сказала им вслед Маргарита. – Хорошим это для вас не кончится.

– Да, пошла ты! – бросил ей через плечо Энтони.

Они вышли и тогда Саймон обратился уже к Мирре:

– Иди и собирай вещи – тебе здесь больше нет места.

– Куда же я пойду? – испугалась она.

– Куда хочешь, – пожал плечами он. – Знаешь, у меня не осталось к тебе даже ненависти, одно только брезгливое презрение. Сообщи моим адвокатам, где ты остановишься, чтобы они могли начать процедуру развода.

– Я не дам тебе развод, – решительно заявила она.

– Дашь! – уверенно возразил ей Берлиблэу. – В противном случае вся эта гнусная история станет достоянием гласности, и твое грязное белье будет развешено на страницах всех до единой «желтых» газет. Твои дети опозорили меня так, что еще один ушат грязи мне уже не повредит. Только есть существенная разница: меня будут просто жалеть, но после того, что мне пришлось пережить, это я уж как-нибудь вытерплю. А вот ты и твои горячо любимые ублюдки станете изгоями! От тебя отвернутся родственники, а от них – даже их подонки-друзья, потому что у них больше не будет денег. Если же мы тихо разведемся, я куплю тебе квартиру или домик – на твое усмотрение, но подальше от Лондона, и буду выплачивать достаточное для скромной жизни ежемесячное содержание.

– Хорошо! Я уйду! Но Дебору заберу с собой, – сквозь зубы согласилась Мирра.

– О чем ты говоришь?! – гневно воскликнул Саймон. – Теперь ты вдруг вспомнила о Деборе! Да ты была так занята своей ненаглядной Вики, что даже не заметила, что ее со среды нет в доме! А сейчас спохватилась единственно, чтобы сделать мне больно! Нет уж! Дебору ты не получишь ни-ког-да, она останется со мной! Мои дети – мне, а твои – тебе, и это будет

справедливо. Если же ты попытаешься мне воспрепятствовать... Впрочем, я уже говорил, что с тобой будет в этом случае, и не вижу смысла повторять. А теперь уходи – ты здесь больше не у себя.

Натыкаясь на мебель, она вышла. Берлибблоу плотно закрыл за ней дверь кабинета и, вернувшись, рухнул в свое рабочее кресло за столом.

– Ну, вот видите, Саймон, вы бы и без меня справились, – сказала ему Маргарита.

– Боже! Как же я сегодня напьюсь! – простонал он. – Какое счастье, что этот ежедневный кошмар закончился!

– Не получится – у нас с вами еще есть дела, – разочаровала его она.

– Да, извините, – вздохнул он. – Дела – прежде всего. Как прошел ваш визит к герцогу?

– Очень продуктивно – я сегодня выхожу за него замуж, – небрежно ответила Маргарита.

Все еще погруженный в свои мысли Берлибблоу машинально покивал ей:

– Это хорошо, – но потом до него дошел смысл сказанного, он уставился на нее во все глаза и растерянно спросил: – Чего?

– Саймон! Вот это проект брачного контракта между мной и герцогом Бэлси, – она протянула ему бумаги. – Просмотрите его и обсудите с Бенсоном все позиции. Но предупреждаю, что они должны быть согласованы до семи часов вечера, потому что именно на это время назначена церемония нашего бракосочетания в особняке Бэлси, на которой вам надлежит быть как моему опекуну, – четко и раздельно говорила Маргарита, видя, что Берлибблоу пока еще не совсем отпавился от такой шокирующей новости. – А после таковой будет званый ужин для узкого круга, во время которого мой уже супруг хотел бы с вами поговорить на небезынтересную для вас тему: он планирует передать вашему банкирскому дому управление своим состоянием. Конечно, оно не настолько велико, как у других ваших клиентов, но имя! – многозначительно произнесла она.

– Марджори! Вы не перестаете меня удивлять, – покачал головой до глубины души потрясенный Берлибблоу. – Конечно, такой клиент – это величайшая честь, и я готов обсудить с герцогом этот вопрос. Тем более, что никакой угрозы репутации моего банка больше не существует. А то, знаете, у меня даже была мысль продать банк – преемника-то нет. Для кого все сохранять, развивать бизнес, создавать филиалы?

– Ой, Саймон! – поморщилась она. – Вот только передо мной не надо ничего изображать! Вы думаете, я не знаю, что у вас уже давно есть близкая женщина и сын, который в этом году заканчивает Итон, то есть ему около восемнадцати лет? Знаю! И зовут его так же, как и вашего деда – Майкл! А о чем это нам говорит? О том, что ваша матушка успела порадоваться не только на Дебору. Она и ваш отец еще и внука настоящего, родного успели увидеть, потому что у евреев никогда не называют ребенка именем живого родственника. Если бы мальчик родился после смерти вашего отца, то вы, чувствуя свою вину перед ним, назвали бы сына его именем – Аарон.

Берлибблоу, потупившись, молчал, а потом смущенно спросил:

– Вы-то об этом откуда знаете? – и тут же спохватился: – Ах, да! От вас же ничего нельзя скрыть.

Маргарита в ответ просто улыбнулась. Ну, не объяснять же ей было ему, что всю эту информацию она получила из воспоминаний спавшего Уолтера, который прослужил в доме Берлибблоу всю свою жизнь и досконально знал печальную историю Саймона. Считая его доверенным слугой, чья преданность никогда не подвергалась сомнению, хозяева вели при нем самые сокровенные разговоры, да и собственные родители ему многое рассказывали. И поделился он этими тайнами с Маргаритой не по своей воле.

– Неужели вы думали, что я буду вас осуждать? – покачала головой Маргарита. – Ведь совершенно естественно, что вам хотелось хоть иногда, пусть и ненадолго вырываться из того кошмара, в котором вы жили. Наоборот! Я очень рада за вас! А теперь вы сможете жениться

на любимой женщине и дать сыну свою фамилию. Но даже если у молодого человека не будет склонности к банковскому делу, у Иосифа Берлимбаера в Швейцарии двое сыновей. Старший, Франц, естественно, останется там, чтобы продолжить бизнес, а вот младший, Карл, произвел на меня в свое время самое приятное впечатление. Если мне не изменяет память, он года на четыре старше Деборы. Он-то и может стать очень достойной партией для нее, а уж фамилию свою он ради такого дела переделает на английский манер и не задумается. Вот и продлится династия банкиров Берлимбулоу, – сказала она, поднимаясь. – Я пойду, потому что у меня еще много дел. Кстати, после моей свадьбы у вас самого их появится немало, потому что надо, в конце концов, разобраться с финансами Кертона. Ну, все! Встретимся у Бэлси.

Саймон проводил ее до входной двери, которую собственноручно открыл перед ней, и напоследок сказал с улыбкой:

– До скорого свиданья, Марджори! – и с усмешкой добавил: – А ведь вы все-таки стали герцогиней Бэлси, ваша светлость!

По дороге к себе на Парк-лейн она позвонила Берлимбуле.

– Здравствуйте, дядя Гриша, – сказала она. – Поздравьте меня, я сегодня замуж выхожу.

– Мазалтов! – машинально ответил тот, но тут до него дошло, что она сказала, и он всполошился. – Девочка! То есть, как это замуж? За кого? За того мальчика, с которым ты летала в Неаполь? А ты не торопишься? Зачем тебе выходить замуж так срочно? Ты, что, беременна?

– Дядя Гриша! И вы туда же! – укоризненно сказала она. – Я ни с кем в Неаполь не летала! Я просто была там одновременно с одним своим знакомым и не более того. И, конечно же, я выхожу замуж не за него! Мой будущий муж – герцог Бэлси.

– Зачем тебе это? – обалдело спросил Берлимбуле.

– Титул, дядя Гриша, – объяснила она.

– Девочка моя! Какой титул? Да кому он сейчас, вообще, нужен? – недоуменно воскликнул он. – Родная моя! Подумай сама, зачем еврею попугай? – он вольно процитировал Лиона Фейхтвангера. – Неужели тебе мало денег и той власти, которой ты обладаешь?

Маргарита вкратце объяснила ему, как обстоят дела, и Берлимбуле немного воспрянул духом:

– Слава богу! Значит, навсегда ты там оставаться не собираешься. Поженишь этих детей и уедешь.

– Ну, еще пригляжу за ними немного, чтобы быть окончательно спокойной за них, и домой, – пообещала она.

– И еще раз, слава богу! – с облегчением произнес Григорий Борисович, а потом осторожненько так начал: – Девочка! До меня тут дошли слухи, что Джина очень страдает. Она так...

– Мучается? – гневно перебила его Маргарита. – Так за дело! Нечего было обо мне сплетни распускать! Ладно бы еще они действительности соответствовали, так ведь нет!

– Родная моя! Ты ее уже наказала, – вкрадчиво говорил Берлимбуле. – Джина все поняла. Может быть, ты все-таки простишь ее?

– Я вижу, Марко вас в адвокаты нанял? – язвительно спросила она.

– Девочка! Все хорошо в меру, – серьезно и уже совсем другим тоном сказал он ей. – Не надо перегибать палку. Ты уже щелкнула кнутом и напомнила всем, кто в доме хозяин. Умей вовремя остановиться и не превращай своих давних друзей в новых врагов. Ты не знаешь, что тебя ждет впереди, вот и будь благоразумной.

– Хорошо, – вздохнув, согласилась Маргарита. – Передайте там по цепочке, что на Рождество она заговорит, пусть это будет ей подарок от меня. Но, если вдруг кто-нибудь еще...

– Девочка, все хорошо усвоили урок, – заверил ее Григорий Борисович и, тут же перейдя на свой обычный тон, попросил: – Ты мне потом позвони и расскажи, как все прошло – мне же интересно. Как жаль, что я в этот день не могу быть рядом с тобой! – в его голосе слышались слезы.

– Не расстраивайтесь, дядя Гриша, – растроганно сказала она. – Там ведь обязательно будет вестись съемка всего происходящего, вот я ее вам на компьютер и вышлю – хоть посмотрите пока. А вот, как вернусь, тогда и расскажу все в подробностях.

Отключив телефон, Маргарита, глядя в окно машины, невольно усмехнулась: «Как же хорошо честная дура Елена научилась теперь врать, кому бы то ни было! Эх, это бы умение ей да в свое время! Только нет ее больше, так что нечего об этом и думать!». Но вот автомобиль заехал во двор ее особняка и остановился у ступеней. Маргарита вышла и позвала водителя с собой, чему тот очень удивился. В холле ее, как и положено, встретил дворецкий.

– Поздравьте меня, Уолтер, я сегодня выхожу замуж, – сказала она ему.

– Поздравляю вас, мисс, – чуть склонившись, ответил тот, потому что рядом был посторонний человек.

– За герцога Бэлси, – мысленно посмеиваясь, уточнила она.

Дворецкий замер, переваривая эту новость, и, когда она окончательно дошла до него, на глаза у него навернулись слезы, и он дрожащими губами во весь голос крикнул:

– Поздравляю вас, ваша светлость! – и поклонился почти в пояс.

– Ну-ну! Не увлекайтесь! – всполошилась она. – Уолтер, это мой водитель, его зовут Роберт. Распорядитесь, чтобы его накормили обедом. А теперь по делу. Уолтер, я думаю, состояние здоровья его светлости ни для кого не секрет? – спросила она, и дворецкий скорбно покачал головой. – Значит, вы понимаете, что я ненадолго переселяюсь в его особняк, а потом вернусь сюда, так что скажите прислуге, чтобы не расслаблялась. И что вы решили относительно моего предложения?

– Я буду счастлив работать у вас, ваша светлость, – торжественно и с поклоном ответил он.

– Я рада, – искренне сказала она. – Значит, все формальности с Берлиблэу я обсужу в самом ближайшем будущем. А пока пришлите ко мне горничную порасторопнее – надо же мне собраться.

– Я пришлю к вам Речел, ваша светлость, она здесь самая шустрая. Во сколько вы желаете обедать? – спросил дворецкий.

– Пока не знаю, так что пусть все держат наготове, а потом я уеду.

Маргарита поднялась к себе и почти вслед за ней в спальню вошла невысокая, стройная брюнетка с острым носиком и смышленными темно-кариими глазами.

– Ваша светлость! Поздравляю вас с замужеством, – робко сказала она.

Маргарита хотела ей сказать, что «светлостью» она станет как раз после замужества, которое еще не состоялось, но промолчала – она уже поняла, что запугала прислугу до смерти, да еще и Уолтер от себя добавил. Она не планировала перевозить все свои вещи в особняк Бэлси – это была бы напрасная трата сил и времени, потому что герцогу были отмеряны считанные дни земной жизни, но кое-что нужно было взять с собой, а за остальным – приехать завтра. Пока горничная собирала сумку с косметикой и прочими мелочами, она выбрала для самой церемонии бракосочетания строгий костюм со всеми полагающимися к нему аксессуарами, к которому изумительно подходил гарнитур из изумрудов, тех самых, колумбийских, с тем, чтобы потом, во время ужина уже предстать во всей красе.

И тут дело застопорилось – не было у Маргариты подходящего наряда, хотя закуплено в Милане было немало! Да, все платья были роскошными и безумно дорогими, но сегодня, когда в доме герцога соберутся люди, для которых подобные наряды – вещь совершенно обычная, она их надеть не могла. За этим ужином она должна была выглядеть не просто блестяще! Она должна была быть ослепительна! Она должна была подняться надо всеми на такую недостижимую высоту, чтобы никто даже мысли не допустил попытаться сравниться с ней. И неважно, что ее триумф продлится относительно недолго – она же не собирается оставаться в Англии

навсегда, но он должен был врезаться в память людей так, чтобы и через многие годы они говорили о ней с восторгом и восхищением.

В магазинах ничего подходящего она купить не смогла бы, и оставалось одно – найти нечто потрясающее среди старых платьев. И она его нашла! В самом конце гардеробной! Под чехлом, сняв который невольно ахнула от восхищения! Красота была неопишная: белое платье с открытыми плечами из матового шелка с вышивкой атласной гладью, белый длинный плащ с высоким жестким воротником из валансьенских кружев и кружевные же перчатки до локтя. Какое счастье, что материя от времени не пожелтела! И тут Маргарита вспомнила, что заказала этот наряд незадолго до отъезда в Америку, но не успела получить, и его привезли уже в ее отсутствие. Вот он с тех пор и висел в гардеробной, а она его так ни разу и не надела. Да, поняла Маргарита, это было именно то, что требовалось для такого торжества. Она вынесла его в спальню и сказала хлопотавшей там горничной.

– Помогите мне примерить платье, потому что оно не на «молнии», а на крючках.

Одевшись, она с огромным удовольствием осмотрела свое отражение в зеркале – платье сидело на Маргарите, как влитое. Когда Речел набросила на ее плечи плащ, то ахнула и восхищенно сказала:

– Ваша светлость! Вы сегодня будете выглядеть, как настоящая сказочная принцесса!

Глаза девушки светились таким восторгом от сопричастности к перевоплощению хозяйки в нечто совершенно невероятно прекрасное, что готовые сорваться с губ Маргариты слова о том, что принцессы бывают или сказочными, или настоящими, так и не прозвучали. Сняв платье, она велела горничной снова убрать его в чехол, но та смущенно спросила:

– А погладить?

Маргарита поняла, что девушке хочется еще хоть чуть-чуть продлить это восхитительное мгновение, и сказала:

– В дороге оно все равно помнется, так что подгладите мои наряды уже на месте.

– Ваша светлость, вы хотите, чтобы я поехала с вами? – сама не веря своему счастью, спросила Речел.

– Конечно, должны же вы помочь мне там одеться, – ответила Маргарита, чем покорила девушку окончательно, бесповоротно и навсегда.

– Ваша светлость, у нас тут есть очень большие коробки, разрешите, я ваши наряды туда положу, а то на улице дождь – вдруг что-то намочнет или испачкается? – предложила девушка.

– Так будет действительно лучше, – согласилась Маргарита.

Горничная убежала, а она, тем временем, достала из тайника с драгоценностями гарнитур с изумрудами и, поскольку плащ нужно было чем-то скрепить у горла, брошь с одним единственным, но в 16 карат бриллиантом. Маргарита прекрасно знала фамильные драгоценности Бэлси, которые ей предстояло сегодня одеть: диадему, кольцо, браслеты, серьги и кольца, но вот броши там не было. Положив драгоценности в сумку, она представила себе свой облик на ужине полностью и довольно улыбнулась – фурор будет сокрушительным, Лондон еще очень нескоро забудет свадьбу герцога Бэлси!

Речел вернулась с несколькими коробками, которые умудрилась непостижимым образом не растерять по дороге и Маргарита сказала ей:

– Когда вы все уложите, идите и пообедайте, потому что потом времени на это у вас уже не будет.

Горничная с такой готовностью закивала, так засуетилась, что Маргарита тут же отказалась от мысли попросить ее отнести коробки с вещами в машину – глаза девушки горели восторгом, грудь взволнованно вздымалась, она рвалась бежать во все стороны сразу, чтобы услужить хозяйке и та не передумала брать ее с собой. «Еще уронит, чего доброго, от полноты чувств, – подумала Маргарита. – Пусть уж лучше это Роберт сделает, а то Уолтер тоже бывает порой излишне сентиментален».

Маргарита взяла сумочку, чтобы потом снова не подниматься к себе – время поджимало, и пошла обедать. Она ела с аппетитом, не испытывая ни малейшего волнения от предстоящего события – великое Небо! У нее этих свадеб, и безумно роскошных, и очень скромных было столько, что невозможно сосчитать, так стоило ли теперь волноваться из-за еще одной? Закончив, она вышла в холл, где ее уже ждали водитель, одетая для выхода горничная и дворецкий.

– Роберт, вы пообедали? – поинтересовалась она.

– Да, ваша светлость, благодарю вас, – ответил он, явно поддавшись общему настроению.

– В таком случае, отнесите, пожалуйста, в машину коробки и сумки из моей спальни, Речел вас проводит, – попросила Маргарита и, когда горничная с водителем ушли, сказала дворецкому: – Уолтер, сегодня у меня праздник. Так, пусть он будет у всех, устройте здесь какое-нибудь нешумное и небуйное застолье.

– Все будут счастливы выпить за ваше здоровье и благополучие, ваша светлость! – с чувством сказал старик. – Дай вам бог счастья!

– Спасибо, я никогда не сомневалась, что вы искренне желаете мне добра, – улыбнулась ему она.

Тут со стороны лестницы послышались голоса, и Маргарита повернулась в ту сторону. Водитель легко нес коробки, а вокруг него суетилась с сумками в руках Речел и, как заведенная, повторяла:

– Осторожно! Только не уроните! Осторожно! Только не уроните!

Увидев Маргариту, Роберт не сдержался:

– Ваша светлость! Очень вас прошу, прикажите этой пигалице не вертеться у меня под ногами, а то я ведь действительно могу споткнуться об нее и упасть.

Под строгим взглядом хозяйки Речел присмирела и, хоть и замолчала, но бдительности не утратила и сторожила каждое движение водителя. Вот под таким конвоем он и покинул особняк. Уолтер держал наготове большой черный зонт, чтобы раскрыть его над Маргаритой, когда она пойдет к машине, и она, увидев, что он собирается выйти налегке, почти со скандалом заставила его надеть пальто:

– Вот только заболеть вам еще не хватало! – бушевала она.

Дворецкий покорно сходил за пальто, и Маргарита в его сопровождении вышла из дома. Коробки и сумки были поставлены в багажник автомобиля, Речел сидела впереди рядом с водителем, и прослезившийся Уолтер, открыв перед Маргаритой дверцу машины, тихонько сказал:

– Храни вас бог!

Вот с этим, так хорошо знакомым ей напутствием, Маргарита и отправилась в свою новую жизнь.

Глава 4. Новая герцогиня Бэлси

В особняке Бэлси ее не то, что ждали, а уже даже и заждались. Во всяком случае, встретивший ее Джордж выглядел очень взволнованным:

– Марджори! Ну, наконец-то! Уже пять часов, а вас все нет и нет. Уже даже Нора вернулась, которая с мисс Лейкгард по магазинам ездила. Папа о вас несколько раз спрашивал.

– Джордж! Но должна же я была подготовиться к собственной свадьбе, пусть и в режиме аврала? – удивилась Маргарита.

– Но вы же не успеете привести себя в порядок, – не унимался он. – А папе так хочется, чтобы вы сегодня хорошо выглядели!

– Передайте отцу... – начала, было, Маргарита, а потом рассмеялась. – Нет, ничего не передавайте! Пусть получит готовое. Скажу одно: разочарован он не будет. Где моя комната?

– Мы решила поселить вас на втором этаже, недалеко от папиных апартаментов, а мы с сестрой живем на третьем, – объяснил он. – Пойдемте, я вас провожу.

В сопровождении Речел и Роберта они пошли вверх и по дороге Маргарита попросила:

– Пусть ко мне пришлют какую-нибудь девушку, которая объяснит моей горничной Речел, где что находится, чтобы она могла привести в порядок мои вещи.

– Не беспокойтесь, ваша светлость, я тут сама все посмотрю, – встряла Речел.

Джордж удивленно посмотрел на нее, а та с самым независимым видом ответила ему твердым взглядом. Он хмыкнул, и дальше они шли молча. Но вот он распахнул перед Маргаритой дверь в ее комнату, Роберт занес туда коробки и ушел, Речел тут же бросилась все распаковывать, а Маргарита стала осматриваться – эта гостевая комната некогда называлась «розовой» и была довольно большой. Теперь же стены были оклеены бежевыми с золотом обоями, и она стала несколько меньше, потому что часть ее отгородили, и, судя по двери, за ней находился мини-санузел. Маргарита заглянула туда и увидела душевую кабину, раковину и туалет. Ну, что ж, несколько дней здесь можно было провести.

– Мне подойдет, – сказала, наконец, она Джорджу.

– Я рад, что вам понравилось, – с облегчением произнес он. – Ну, не буду мешать.

Едва он вышел, как Речел сказала:

– Ваша светлость, давайте я сбегаю и разведаяю, что здесь и как. Вдруг не все вас здесь ждут с большим нетерпением и любовью дышат?

«А девочка-то жизнью битая», – внимательно посмотрев на нее, поняла Маргарита и решила:

– Бегите, только обернитесь побыстрее – мне собраться надо.

Девушка умчалась, а Маргарита разделась и пошла в душ. Когда она вышла оттуда с мокрыми волосами, девушка уже всю орудовала утюгом над разложенными на гладильной доске ее вещами.

– Почему здесь? – удивилась Маргарита. – Неужели в доме нет специальной комнаты для такой работы?

– Есть в подвале, ваша светлость, только не хочу я рисковать. Представьте себе, что вот пойду я с вашими нарядами оттуда сюда обратно, а мне на пути кто-нибудь попадется да и обольет их, якобы нечаянно, чем-нибудь, – пояснила Речел.

– Все так плохо? – удивилась Маргарита.

– Кого же обрадует, когда в доме, где жизнь давным-давно по-своему налажена, новая хозяйка появляется, и свои порядки будет устанавливать? – пожалала плечами девушка. – Косились люди на меня с большим подозрением, а уж, как на вас смотреть будут, даже представить себе боюсь. Только, если о вас кто при мне что плохое скажет, то лучше бы ему и вовсе на свет не родиться, – решительно заявила горничная.

– Речел, откуда у вас такие замашки? – воскликнула она.

– Так, я из Хэрни, ваша светлость – самый бандитский район в Лондоне, – пояснила девушка. – А уж, когда у тебя четыре старших брата, это я вам скажу, еще та школа.

– Лихое у вас прошлое, – заметила Маргарита.

– У меня-то – нет, меня мать в четырнадцать лет к сестре в деревню под Бостоном отправила, а то нравы у нас дома, знаете ли, своеобразные. Я сначала, конечно, брыкалась – там же, хоть и опасно, но весело. Только мне тетка с дядькой, кто скалкой, кто ремнем, ума прибавили, вот я и поняла, что жизнь, чем честнее, тем спокойнее. Школу закончила и пошла в один дом горничной работать – не все же у родственников на шее сидеть, там-то всю эту премудрость и освоила, да и курсы окончила, – рассказывала девушка. – Хозяева у меня были очень своеобразные люди – иностранцы же, но все-таки ничего себе, и хуже бывает. Он книжки писал, а жена у него от скуки картины рисовала – мазня жуткая, и всем их дарила. Жили они в большом доме в пригороде Бостона, но тоска там была такая, что хоть вой!

– Как же вы ко мне попали?

– Так, дядька мой мистеру Джонсу дальней родней проходится, вот и похлопотал за меня, когда тот в ваш дом прислугу набирал. Так я в Лондон и вернулась. Дома, конечно, побывала и в ужас пришла: подружки мои, кто на панели, кто уже детей успел нарожать неизвестно от кого, а некоторых и в живых уже нет. А ведь такое же будущее могло и меня ждать. Права была моя мама, когда подальше меня отправила от жизни такой.

– Но старых навыков, вы, как я вижу, не растеряли, – усмехнулась она.

– А, мало ли что в жизни пригодится? – улыбнулась девушка и заявила: – Ну, вот и все, ваша, светлость! Готовы ваши наряды!

За этим разговором Маргарита даже не заметила, как Речел ловко со всем управилась, а та предложила:

– А теперь давайте, ваша светлость, я вам ногти подправлю и причешу – я все необходимое из дома с собой взяла.

– Ногтями, конечно, займитесь, а вот причесывать меня пока не надо, потому что я волосы просто в узел на затылке соберу. А вот, когда я буду на ужин собираться, тогда вам придется потрудиться.

К семи часам, когда в дверь постучал Джордж, чтобы отвести ее к отцу, Маргарита была полностью готова, только вот изумруды пришлось опять зубной щеткой под краном чистить – и когда у нее, наконец, появится время, чтобы нормально привести свои драгоценности в порядок?

В кабинете Бэлси собрались все заинтересованные лица. Кроме новобрачных и маркиза с сестрой там был, торжествующе улыбавшийся Берлиблэу и несколько растерянный Бенсон – видимо, Саймон выторговал для Маргариты максимально выгодные условия брачного контракта, а также представители мэрии. Были там и светские хроникеры – куда же без них? Любопытствующая прислуга молча стояла в дверях и жадно следила за происходящим, но вот Речел там не было. Церемония много времени не заняла и, когда она закончилась, Маргарита спросила у своего теперь пасынка:

– Джордж, во время ужина, наверное, будет вестись съемка? – Тот кивнул. – Тогда мне хотелось бы иметь копию записи. Пусть у меня будет эта память.

– Я все сделаю, – заверил ее он.

– У меня к вам будет еще одна просьба: встретьте, пожалуйста, лично Кертона с сестрой. Джозеф, я полагаю, хоть с кем-то из ваших гостей может быть знаком, а вот Джоан будет очень одиноко. Позаботьтесь о ней!

– С удовольствием, Марджори, – пообещал он и протянул ей большой футляр: – Это наши фамильные драгоценности, которые вам сегодня предстоит надеть. Там у одного из браслетов замок туго застегивается, – предупредил он.

– Я разберусь, Джордж, – успокоила его Маргарита, подумав: «Великое Небо! За столько веков не смогли замок починить!». – И не надо за мной приходить, я сама спущусь в зал к восьми часам. Я здесь уже немного освоилась и не заблужусь.

– Как скажете, – не стал возражать он. – Марджори! Блюда для свадебного ужина заказали в ресторане, и обслуживать гостей будут официанты оттуда же. Поэтому сегодня у прислуги в кухне тоже будет праздник. Вы передайте своей горничной, чтобы тоже пошла туда, пусть со всеми познакомится.

«Даже страшно подумать, что останется от этой кухни, если там кто-нибудь рискнет сказать обо мне что-то нелестное», – весело подумала Маргарита. Вернувшись в свою комнату, она спросила у горничной:

– Речел, а что же вы не пошли посмотреть, как я замуж выхожу?

– И все здесь оставить без присмотра? – воскликнула девушка. – Между прочим, ваша светлость, пока вас не было, в дверь кто-то заглядывал. Да я так его шуганула, что, когда добежала до нее и открыла, только чей-то топот и услышала. И неизвестно, к чему бы я вернулась, если бы хоть на минутку отсюда вышла.

Маргарита только удрученно покачала на это головой – странная обстановка была в доме Бэлси. Речел захлопотала вокруг своей хозяйки и, когда все было готово, Маргарита критически осмотрела свое отражение в зеркале и осталась довольна – это было то, что надо. А вот горничная от восторга только что не приплясывала.

– Ваша светлость! Я никогда не видела никого прекраснее вас ни в жизни, ни в кино, ни в журналах! – пылко воскликнула она.

– Да, кажется, я неплохо выгляжу, – согласилась Маргарита. – Между прочим, мистер Джонс сегодня устраивает небольшой праздник для домашних, так что, если хотите, можете поехать домой, деньги на такси я вам дам.

– И бросить вас здесь одну?! – возмутилась Речел. – В чужом доме, где неизвестно чего ждать? Ну, уж нет, ваша светлость! Я здесь останусь! – решительно заявила она

– Маркиз сказал, что сегодня здесь на кухне тоже устраивают праздник, на который вы можете пойти. Как вам такая идея? – поинтересовалась Маргарита.

– А вот туда я охотно пойду – надо же узнать, кто здесь, чем дышит, – с азартом согласилась девушка. – Только вот!.. – она показала на лежавшие на столике изумруды.

Маргариту забавляла эта совершенно искренняя, в чем она была совершенно уверена, забота о ней и ее собственности, за которую лично она совсем не волновалась – на всем лежало заклятие от воров и никто не смог бы даже дотронуться до ее вещей, но не говорить же было об этом девушке, и она предложила:

– Оденьте это все себе под платье.

Горничная подумала и ответила:

– Нет, еще порвется, чего доброго. Лучше уж так.

Речел сложила все драгоценности в перчатку Маргариты, а потом, отвернувшись, задрала подол платья и английской булавкой прикрепила сверток к чему-то под ним.

– Так надежнее будет, – объяснила она. – Меня братья всегда учили, что ничего ценного нельзя в сумку класть, а носить только на себе. А то выдернут сумку из рук и поминай, как звали.

– Неглупый совет, – согласилась Маргарита. – Ну, бегите на свой праздник, да и мне уже пора – скоро восемь часов.

– Нет уж, ваша светлость! – категорично заявила Речел. – Вот до места провожу, чтобы спокойной за вас быть, тогда и пойду!

Маргарита чуть не расхохоталась – эта пигалица, пусть и с лихим прошлым, собиралась защищать ее от всех возможных напастей, но согласилась. Они вышли из комнаты и Маргарита, зная этот дом наизусть, направилась сначала туда, откуда могла увидеть сверху приго-

товленный для торжества и залитый светом зал, где некогда праздновала свою, пусть и фиктивную свадьбу с отцом. Небольшой струнный оркестр разместили в углу, хотя раньше для этих целей использовался специальный балкон, а в остальном все выглядело привычно. Народу было довольно много и среди приглашенных сновали официанты с подносами, на которых стояли бокалы с напитками. «И это называется „в узком кругу“!» – мысленно хмыкнула Маргарита. Среди гостей она увидела Берлибблоу, который в силу своего положения был со многими знаком и чувствовал себя совершенно свободно. Одетого в парадный мундир со всеми наградами Кертона и Джоан в очень красивом и стильном платье, но с единственной ниткой жемчуга на шее, деятельно опекали Джордж с Элеонор и несомненное смущение, которое владело теми сначала, уже прошло. Ну вот, теперь можно было и в зал. Сопровождаемая горничной Маргарита спустилась по лестнице вниз и, проходя мимо выключателя, велела ей выключить свет. Девушка недоуменно посмотрела на нее, но повиновалась, а дворецкий предпочел не вмешиваться – новая хозяйка все-таки! Подойдя к дверям, она посмотрела на него и сказала:

– Можно!

Он поправил на себе ливрею, откашлялся, распахнул обе створки, шагнул внутрь, не заметив, что она пошла за ним и встала прямо у него за спиной, и провозгласил:

– Герцогиня Маргарет Бэлси!

Гости тут же повернулись к двери, дворецкий быстро, но с большим достоинством отошел в сторону и взору собравшихся предстала стоявшая на фоне темного холла, ярко освещенная старинными хрустальными люстрами Маргарита. По залу пронесся дружный вздох восхищения, а потом обрушилась абсолютная, оглушающая тишина! Даже оркестр смолк! Нет, не живая женщина стояла сейчас перед людьми, не принцесса и даже не королева! Это был написанный гениальным художником портрет сказочной феи! Платье облегалo ее совершенную фигуру, как перчатка, голову венчала больше похожая на корону диадема, в ушах, на руках и груди сверкали бриллианты, с которыми своим блеском соперничали завитые локоны ее длинных золотых волос. Не хватало только волшебной палочки, хотя на самом деле она у Маргариты была, только называлась она – кольцо Крейлара.

Первыми опомнились журналисты, и зал наполнился звуком щелкающих затворов фотоаппаратов. Не обращая на них никакого внимания, Маргарита смотрела вдаль поверх голов собравшихся, а вот гости пожирали ее взглядами, они не просто любовались, они заходились от восхищения и восторга, сами не веря тому, что такая неземная красота может существовать на свете и они смогли увидеть ее своими собственными глазами. Простояв так с минуту и дав людям возможность полюбоваться собой, Маргарита сделала первый шаг, и гости покорными волнами почтительно отхлынули в стороны. И она пошла, но стука ее каблучков не было слышно, и поэтому казалось, что и не касалась она вовсе пола, а парила над ним, как феям и положено. Но шла в этот момент Маргарита не по до зеркального блеска натертому паркету, не к человеку, которого сегодня назвала своим мужем... Нет! Ее путь вел гораздо дальше, был намного увлекательнее, и она находилась еще в самом его начале! Ее путь лежал в Вечность!

Она подошла к сидевшему в коляске Бэлси, встала рядом с ним и положила ему на плечо руку, которую герцог взял, поцеловал, а потом произнес:

– Леди и джентльмены! Позвольте представить вам мою супругу, герцогиню Бэлси!

Несколько этих негромких слов вывели людей из ступора и они, переведя дыхание, тут же зашептались, зашущукались, и только теперь Маргарита обвела взглядом гостей, а потом, чуть прикрыв глаза, слегка наклонила голову, приветствуя их. И началась церемония знакомства.

– Герцогиня, – говорил Бэлси, – позвольте представить вам моего давнего друга...

Люди подходили к ним, поздравляли со столь знаменательным событием и желали долгих лет счастливой жизни, что, учитывая состояние герцога, могло бы быть расценено как издевательство, если бы не было данью традиции. Мужчины склонялись к руке Маргариты, и их горевшие искренним восхищением взгляды не нуждались в комментариях. Их спутницы улы-

бались ей насквозь фальшивыми улыбками, за которыми легко угадывалась лютая зависть, потому что какая же женщина сможет равнодушно отнестись к тому, что на свете существует безупречная красота, в которой невозможно найти ни одного изъяна. Когда очередь дошла до Кертона и Джоан, Бэлси сказал:

– Милорд, вы пошли по стопам своего отца и стали военным, причем, как я вижу, весьма преуспели на этом поприще. Ваш отец, которого я неплохо знал, гордился бы вами. Выберите за сегодняшний вечер несколько минут – я бы хотел поговорить с вами о нем. Думаю, что вашей сестре это тоже будет интересно.

– Благодарю вас за добрые слова, герцог, – чуть поклонился ему Джозеф. – Из-за службы нашего отца у нас с сестрой, к сожалению, не было возможности узнать его так хорошо, как хотелось бы, и мы будем счастливы послушать ваши воспоминания о нем.

Конечно же, Маргарита поняла, что вовсе не желанием поделиться своими воспоминаниями об отце Кертоне вызвано это предложение Бэлси, а стремлением получше познакомиться с Джозефом и Джоан. Да и, судя по выражению глаз Кертона, он, помятуя разговор с Маргаритой, тоже это понял. И принял! И она этому очень обрадовалась. Среди гостей оказались и Клэр с матерью, как выяснилось, кузиной Кэролайн, второй жены герцога. Их вечерние платья были не новы, но сшиты в классическом стиле, который, как известно, вне моды, так что выглядели они вполне достойно. Леди Эффрот чувствовала себя несколько скованно, а вот Клэр радостно улыбнулась Маргарите и, произнеся положенные случаю слова, добавила:

– Как здорово! Теперь мы с вами родственницы и сможем чаще встречаться!

Берлиблэу, который в силу незначительности титула – всего лишь баронет на фоне графов и герцогов, которые, однако, периодически приходили к нему за кредитами, был одним из последних, что его нисколько не смущало. Теперь, когда нависшая над ним угроза была ликвидирована, он чувствовал себя абсолютно счастливым. Он поздравил новобрачных, и Маргарита напомнила Бэлси:

– Ричард! Мне помнится, вы собирались кое-что обсудить с баронетом.

– Да, нам есть о чем поговорить, – серьезно подтвердил герцог.

– Всегда к вашим услугам, – с готовностью ответил Саймон.

Но вот, наконец, церемония знакомства-представления была закончена и герцог сказал:

– К сожалению, я не могу станцевать со своей женой вальс новобрачных, но и традицию нарушать не будем. Я доверю эту честь моему сыну, маркизу Бэлси. Прощу тебя, Джордж.

Тот подошел к Маргарите и подал ей руку. Гости отошли к стенам, освободив центр зала, и раздались волшебные, чарующие звуки одного из самых прекрасных вальсов на свете – «На прекрасном голубом Дунае». И тут вдруг дала о себе знать Елена, потому что в жизни Маргариты-Тетушки таких приемов было великое множество, а вот Маргарита-Елена переживала сейчас волнующий миг своего самого первого вальса. И, хотя внешне Маргарита выглядела совершенно спокойной, внутри у нее все пело от восторга, счастья и пьянящей души радости, и, кружась в вальсе – а танцевал Джордж превосходно, она невольно начала напевать:

Donau so blau, durch Tal und Au,
Wogst ruhig du dahin, dich grüßt unser Wien...

– Марджори! Вы восхитительно поете! – воскликнул Джордж. – Но почему так тихо? Порадуйте нас! Доставьте всем нам удовольствие не только видеть, но и слышать вас!

И Маргарита запела в полный голос. Она бесстрашно брала самые высокие ноты, зная, что голос ее не может подвести, и, видя, как гости заворожено ее слушают, с каким восхищением на нее смотрят, как мужчины ловят ее взгляд, наслаждалась этими упоительными мгновениями. «Как жаль, что мама с бабушкой меня сейчас не видят! – подумала в этот момент уже Елена. – Да, у меня теперь другая фигура и внешность, другой цвет волос и глаз, я стала

намного моложе, чем была, но внутри-то я осталась их прежней Леночкой! Ну, не может такого быть, чтобы они, так меня любившие, не почувствовали этого!». Оркестр смолк только тогда, когда она допела до конца, и гости разразились не только бурными аплодисментами, но и настоятельными просьбами исполнить что-нибудь еще. Решение пришло мгновенно и Маргарита, находясь все еще под влиянием Елены, обратившись к оркестру, сказала:

– Неаполитанская песня «Мамма».

Прозвучало вступление, и она запела, вкладывая всю свою душу в каждый звук этого короткого слова «мамма».

Mamma son tanto felice perchè ritorno da te,
la mia canzone ti dice che è il più bel giorno per me,
mamma son tanto felice viver lontano perchè...

Она пела так, чтобы там, наверху, на небесах – а ее мама и бабушка, эти две святые женщины, обязательно должны были находиться только в раю, они ее услышали. Чтобы снова почувствовали ее любовь к ним и поверили, что это именно она к ним обращается. Да, у их Леночки не было ни голоса, ни слуха, у нее не было совершенно никаких талантов кроме огромной, всепоглощающей и жертвенной любви к ним, но они должны были услышать и понять, что это поет именно она!

Когда она замолчала, несколько минут стояла полная тишина – все молчали, потрясенные ее исполнением этой хорошо известной песни, но впечатлил собравшихся не столько ее голос, сколько то чувство, с которым она пела, и лишь потом гости, переведя дыхание, зааплодировали и раздалась возгласы: «Восхитительно!», «Великолепно!», «Я никогда такого не слышал!». И никто из присутствующих даже предположить не мог, что голосом Маргариты пела душа Елены. Один только герцог Бэлси, знавший о Джейн Лоррибай, мог хотя бы приблизительно понять, почему и для кого пела его жена. Оркестр снова заиграл вальс, пригласив Маргариту, Джордж закружил ее в танце, и их примеру последовали остальные. Танцуя, Маргарита успела заметить, что справа от Бэлси сидел Джозеф, слева – Джоан, и разговор шел весьма оживленный, чему она было очень рада – все шло по плану.

Зная, что герцог тяжело болен и физически не сможет долго находиться с ними, гости с пониманием отнеслись к его словам:

– Леди и джентльмены! Прошу вас разделить с нами наш праздничный ужин!

Все потянулись к накрытым в соседнем зале столам, а, поскольку это была все-таки какая-никакая, а свадьба, Бэлси и Маргарита сидели рядом.

– Вот уж не думал, что ты настолько сентиментальна, – насмешливо сказал он. – Ты так пела о матери, что у дам слезы на глаза наворачивались.

– Ричард! Какая сентиментальность! – тихонько фыркнула Маргарита-Тетушка, потому что Елена, выплеснув все свои чувства, уже снова спряталась в глубинах ее подсознания. – Скоро всем станет известно, что я с младенчества воспитывалась в монастыре, и все правильно воспримут мои душевные терзания, что добавит мне некоторой загадочности и популярности в свете.

– Вот теперь я тебя узнаю, – усмехнулся герцог.

Ужин шел своим чередом, и Маргарита видела, что Бэлси ужасно устал.

– Ричард! Не геройствуйте! Вам надо немедленно лечь! – прошептала она. – Мы можем закончить ужин без вас, тем более, что вы почти ничего не едите, а уж проводить гостей я и сама сумею – в первый раз, что ли?

– Зато у меня такой вечер, может быть, в последний раз. Дай же мне им насладиться до конца, – печально ответил он ей.

– А я не хочу, чтобы конец для вас наступил прямо за этим столом, – резко заявила она и мысленно приказала: «Джордж! Нора! Немедленно к отцу!».

Те удивленно застыли, потом одновременно повернулись в их сторону и, быстро извинившись перед своими соседями-собеседниками, подошли к ним.

– У меня не получилось, но, может быть, вы сможете уговорить отца вернуться в свою комнату – он очень устал, – попросила Маргарита.

Естественно, Бэлси уступил своим детям – он же их так любил. Конечно, все заметили, что новобрачный покинул праздничный стол вместе со своими детьми, но правильно это поняли. Дальнейший ужин прошел не то, чтобы галопом, но в довольно ускоренном темпе, так что к одиннадцати часам вечера Маргарита уже провожала гостей. Каждый стремился сказать ей на прощанье комплимент, как-то закрепить знакомство, сыпались приглашения в гости, в театр, на концерт, на верховую прогулку, предложение принять участие в ближайшем благотворительном концерте и так далее... Наконец, за последним гостем закрылась дверь и к Маргарите тут же подошел камердинер герцога.

– Ваша светлость! Его светлость просит вас зайти к нему, – почтительно произнес он. – Простите мне мою вольность, но прошу вас следовать за мной – вы же еще не успели ознакомиться с этим домом.

Маргарита мысленно иронично хмыкнула, но отправилась вслед за ним, тем более, что и сама собиралась узнать, как себя чувствует герцог. Бэлси лежал на кровати у себя в спальне, рядом с ним сидели Джордж и Элеонор и в комнате стоял тот специфический запах, который всегда сопутствует тяжелой, зачастую неизлечимой болезни.

– Как вы себя чувствуете, Ричард? – спросила она.

– Условно жив! – насмешливо ответил Бэлси и попросил: – Оставьте нас все – нам с Маргарет нужно кое о чем поговорить.

Джордж, Элеонор и камердинер вышли, а Маргарита присела на край его кровати.

– Ты оправдала мои ожидания и была великолепна, – усмехнулся он.

– Герцогине Бэлси другой быть не положено, – небрежно ответила она.

– Ну-ну! – хмыкнул он, но тут же стал серьезным. – Ты была права – Кертоны подойдут. Джозеф надежный человек, а Джоан, к счастью, не смогли испортить ни школа, ни эти новомодные течения. Я поговорил с детьми, сказал им, что мне очень понравились Кертоны, и они признались мне, что влюблены в них по уши.

– Чему удивляться? – пожала плечами Маргарита. – Джозеф не просто надежный, он настоящий мужчина! Таких, как я уже поняла, сейчас в нашем кругу осталось немного, так что Нора будет за ним, как за каменной стеной. Что касается Джоан, то она по сути своей та же Нора, так что Джорджу было легко найти с ней общий язык.

– Но меня смущает одна вещь, – внимательно глядя на нее, начал Бэлси. – До меня дошел слух, что ты и Кертон...

– Ри-и-ичард! – укоризненно протянула Маргарита. – Поверьте мне, ничего не было, нет, и не будет! Он был в Блэкхилле по работе, и я кое в чем ему помогла, благодаря чему он получил повышение по службе, а, когда мне потребовалась его помощь в Неаполе, где я была по известному вам поводу, он прилетел и помог уже мне. Я знаю, кто и почему распустил этот слух, который не соответствует действительности, но как он дошел до вас?

– Потом скажу, а сейчас мне нужны подробности – речь идет о судьбе моей дочери! – жестко сказал герцог.

– Великое небо! – вздохнула она. – Ну, слушайте!

Маргарита вкратце, не пускаясь в подробности семейной жизни Берлибблоу, рассказала ему, как обстояли дела.

– Надеюсь, ты сказала мне правду, – медленно произнес герцог.

– Да, правду! – бестрепетно соврала Маргарита. – Поверьте, Ричард! Я действительно хочу наилучшим образом устроить судьбу Кертонов и ваших детей. Так, откуда вы узнали эти сплетни? – снова спросила она.

– Прислуга в кухне обсуждала свою новую хозяйку, – язвительно сказал Бэлси.

– Упокой, господи, их грешные души, – возведя очи горе, вздохнула Маргарита и набожно перекрестилась. – Аминь!

– Что ты хочешь сказать? – удивился герцог.

– Пусть вам об этом расскажет тот, кто сообщил эти сплетни – всегда лучше получать информацию из первых рук, – посоветовала она и спросила: – Вы хотите еще что-то мне сказать? – Бэлси покачал головой и она поднялась. – Тогда я пойду, чтобы не мешать вам отдыхать.

Она уже была на полпути к двери, когда герцог окликнул ее. Маргарита повернулась и встретила его горевший безумной, отчаянной, несбыточной надеждой взгляд. Она вернулась к нему и снова села рядом. Нет, не все, далеко не все сказал ей Бэлси!

– Ричард! Я знаю, о чем вы хотели попросить меня, но не решились, – вздохнула она.

– Маргарет! Я понимаю, что это против нашей договоренности, и я свяжу тебе руки, но что для тебя, – подчеркнул он, – значит время... – он усиленно смотрел в сторону и, помолчав, с трудом выдал из себя: – Может быть, ты сможешь мне помочь?

«Ну, помоги же ему! – снова дала о себе знать Елена. – Он такой несчастный человек! Он так любит своих детей, а они – его! Не разлучай их! Тебе ничего не стоит ему помочь, а они будут самыми счастливыми людьми на свете! Ну, пожалуйста!», – умоляла ее Елена и она, вздохнув, сдалась:

– Ричард! Я никогда не даю обещаний, которые не смогу выполнить. Сначала я должна узнать в мельчайших подробностях, как вы себя чувствуете.

– Возьми бумаги в верхнем ящичке стола, там все написано.

– Мне не это надо, – покачала головой Маргарита. – Рассказывайте все с самого начала: когда вы заболели, как, и все остальное.

Они проговорили около часа и, выяснив все, что ей было надо, она сказала:

– Ричард! У отца было все то же самое – видимо, у Бэлси наследственная предрасположенность к онкологии.

– Да, мой отец и дед тоже умерли от рака, – подтвердил он.

– Ричард! Я понимаю, что этот вопрос вам неприятен, но я должна знать, от чего умерла Кэролайн? Это, случайно, была не онкология?

Бэлси отрицательно покачал головой, а потом, тусклым голосом ответил:

– У Кору было слабое сердце. Тяжелейший грипп дал на него осложнение, и спасти ее не смогли, – он судорожно слотнул, а потом глубоко носом вдохнул, явно стараясь успокоиться. – Я до сих пор не могу это принять. Это так несправедливо! – его голос все-таки сорвался.

– Ричард, я знаю, что такое терять близких и, если любишь по-настоящему, то время ничего излечить неспособно – это боль неутрачиваемая, к ней просто привыкаешь и с ней живешь, – сочувственно сказала Маргарита. – Но давайте вернемся к вашим детям. Значит, у них отягченная наследственность только с вашей стороны. Вы знаете, что сейчас можно пройти обследование и выявить предрасположенность человека к раку?

– Его им провели, как только у меня обнаружили опухоль. К счастью, они пошли в мать, и у них ее нет, – как только речь зашла о его детях, герцог тут же взял себя в руки.

– Тем лучше, таким образом, у нас остается только вы. К сожалению, я не смогла вылечить отца, потому что все было очень запущено, и по этой же причине не смогу вылечить вас.

– Но он после женитьбы на тебе прожил еще пять лет, – возразил герцог.

– Да, но его не оперировали, и он не проходил курсы химиотерапии, – объяснила она. – Я могу только отсрочить неизбежное.

– Сколько? – быстро спросил он.

– Если вы будете безропотно и скрупулезно выполнять все мои указания, за полгода я ручаюсь, а, может быть, немного больше, – подумав, ответила Маргарита.

– Мне хватит! – с огромным облегчением воскликнул Бэлси. – Я понимаю, что это вызовет страшный скандал, но через месяц должна быть помолвка, а еще через месяц – свадьба. Займись этим вплотную. Маргарет, я всегда так мечтал сам отвести Нору к алтарю, – прерывающимся голос произнес он и в его глазах стояли слезы.

– Отведете! Ручаюсь! – твердо пообещала она и, взяв с прикроватной тумбочки колокольчик, позвонила. – Кстати, как зовут вашего камердинера?

– Джэкоб, он всю жизнь со мной. А сейчас вот, как с малым ребенком возится. Господи, стыд-то какой! – простонал Бэлси. – Вот уж не думал, что доживу до такой беспомощности.

В этот момент вошел камердинер, и Маргарита ему сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.